Ленинский ю

Вопросы мировоззрения

2 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГ16
Д319

ЦГ16
Д 319

А. И. Комовъ.

Делевский, Ю.

ВОПРОСЫ міросозерданія и тактики

РУССКИХЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Делевский Ю.
Вопросы мировоззрения.
2 экз

Библіотека
„Освобожденія“
№
Да 398

Да
398

ЛОНДОНЪ
70, Grafton str., Tottenham court Rd London. W.
1903 г.

2-й оф

.са-Ленина. Библиотека

ВАНИЕ

К583 Шифр

ЦГ 16
Д 319

А. И. Комовъ.

Делевский, Ю.

ВОПРОСЫ
міросозерцанія и тактики
РУССКИХЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Шифр
К 582
Б/В

Библіотека
„Освобожденія“
№ Аа 398

Аа 398

ЛОНДОНЪ
70, Grafton str., Tottenham court Rd London. W.
1903 г.

2-й о-ф

Ц Г 16
Д 319

Библиотека ИМЭЛ

Ц 12854-у

ЦП16
Д319 ч 12857

ВОПРОСЫ МІРОСОЗЕРЦАНІЯ И ТАКТИКИ РУССКИХЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

I.

Какъ общественное міровоззрѣніе, соціализмъ, съ самаго своего возникновенія, былъ по своему духу теоріею полнаго освобожденія человѣчества отъ всѣхъ формъ матеріальнаго и моральнаго гнета. Какъ общественное движеніе, соціализмъ былъ стремленіемъ коренному преобразованію общества, нынѣ основаннаго на эксплуатаціи и угнетеніи, и созданію новаго строя на началахъ солидарности и свободы. Соціализмъ—*универсаленъ* въ томъ смыслѣ, что онъ разрѣшаетъ не одну какую-либо эмансипаціонную задачу или нѣсколько частныхъ эмансипаціонныхъ задачъ, что онъ имѣетъ цѣлью уничтоженіе не одной или нѣсколькихъ отдѣльныхъ формъ гнета, какъ гнетъ экономическій, либо политическій, либо національный, либо религіозный, но что онъ означаетъ упраздненіе *всей* системы гнета, во *всѣхъ* его видахъ и проявленіяхъ.

Соціализмъ—продуктъ исторіи. И развитіе его, какъ всякаго продукта исторіи, подвержено колебаніямъ и неправильностямъ, часто носящимъ *зигзагообразный* характеръ.

Одна изъ главныхъ причинъ неправильнаго и прерывистаго хода развитія соціализма заключается во вліяніи историческихъ *пережитковъ*, сказывающемся либо въ урѣзываніи полноты обще-эмансипаціонной задачи соціализма, либо во введеніи въ соціалистическое міросозерцаніе ненаучныхъ или даже противораціоналистическихъ элементовъ, ведущихъ свое отдаленное происхожденіе изъ источниковъ подчиненія въ жизни и въ мысли. Вліяніе историческихъ пережитковъ сказывается и въ преувеличеніи или умаленіи одного какого-либо изъ существенныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ соціализма.

Соціалистическая доктрина, какъ теорія дѣятельности, развиваемой въ основательно изученной соціальной средѣ и направленной на радикальное измѣненіе ея для осуществленія цѣлей, предполагаемыхъ нами наиболѣе моральными, представляется сочетаніемъ трехъ элементовъ—теоретическаго, практическаго и моральнаго. Она, во-первыхъ, подвергаетъ строго-объективному изслѣдованію условія функціонированія и развитія того общественнаго цѣлаго, въ которомъ проявляется дѣятельность носителя соціалистической идеи. Она, во-вторыхъ, гармонически связываетъ результаты, добытые объективнымъ изслѣдованіемъ, съ задачами и цѣлями, вытекающими изъ природы нашего верховнаго идеала. Она, въ-третьихъ, устанавливаетъ самыя основанія этого идеала и регулируетъ нашу дѣятельность сообразно нравственнымъ требованіямъ, опредѣляющимъ существо идеала. Безъ этихъ двухъ послѣднихъ элементовъ — субъективнаго и моральнаго, — не было бы вовсе соціализма; безъ элемента объективно-теоретическаго, соціализмъ былъ-бы совершенно чуждъ научности, насколько таковая возможна въ сферѣ общественнаго изслѣдованія. Игнорированіе либо стушевываніе того или другого элемента соціализма ослабляетъ соціалистическій или же научный характеръ доктрины.

Оба періода исторіи соціализма — періодъ „утопическаго“ и періодъ „научнаго“ соціализма — характеризуются, каждый по своему, проникновеніемъ историческихъ переживаній и частичнымъ нарушеніемъ того равновѣсія составныхъ элементовъ, которое должно быть присуще цѣльному соціалистическому міросозерцанію.

Такъ называемые утопическіе соціалисты не успѣли освободиться отъ подчиненія авторитетамъ въ области религіозной и политической; они страдали мистицизмомъ, сектантствомъ и политическимъ индифферентизмомъ. Имъ не удалось свою геніальную критику существующаго строя и предложенную ими теорію преобразованія этого строя въ высшую форму общежитія дополнить серьезнымъ ученіемъ о тѣхъ силахъ и средствахъ, которыми было-бы достигнуто торжество соціалистическаго идеала.

Зарожденіе соціалистической идеи открывало освободительному движенію необъятные горизонты. Но для того, чтобы сдѣлать ее могучимъ девизомъ обновляющагося міра, чтобы

возвысить ее на ступень универсальной доктрины, заключающей въ себѣ руководящія основанія дѣятельности и борьбы, направленной на преобразованіе общественнаго строя, требовалось произвести огромную критическую и творческую работу, требовалось поставить и рѣшить множество вопросовъ, вытекающихъ изъ самаго существа новаго ученія.

Какова должна быть совокупность задачъ, которыя должны себѣ ставить соціалисты, чтобы исчерпать всю полноту освободительнаго идеала? И каковы должны быть основанія предполагаемаго преобразованія, чтобы, вслѣдъ за устраненіемъ гнета и эксплуатаціи, осуществить чуждое противорѣчій, вполнѣ гармоническое сочетаніе высшей свободы съ высшею солидарностью?

Далѣе, какимъ образомъ слѣдуетъ представлять себѣ способы и форму осуществленія соціалистическихъ цѣлей? Существуютъ ли въ стихійномъ процессѣ общественнаго развитія тенденціи, благопріятствующія воплощенію въ жизни соціалистической программы? Есть ли, съ другой стороны, тенденціи, противодѣйствующія успѣшному ходу преобразовательной работы соціалиста? И какъ примирить возможность планомѣрнаго и плодотворнаго воздѣйствія на жизнь съ существованіемъ соціологическихъ законовъ, противополагающихъ себя, какъ *объективныя* нормы, *субъективнымъ* задачамъ, исходящимъ отъ личности или партіи? Каковы тѣ силы, опираясь на которыя соціалистъ можетъ съ надеждою смотрѣть на будущее и считать вѣроятною побѣду надъ силами косности и реакціи?

Каковы тѣ ближайшіе и болѣе отдаленные выводы, которые вытекаютъ изъ нравственныхъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ соціализма? Какимъ образомъ должна быть направлена соціалистическая дѣятельность, чтобы достиженіе ближайшихъ задачъ, повседневное внесеніе въ жизнь началъ прогресса и справедливости и неустанное расширеніе сферы вліянія соціализма могло идти впередъ въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ моральными требованіями и безъ ущерба для конечнаго идеала соціализма? Каково должно быть отношеніе соціалиста къ историческимъ продуктамъ, такимъ, какъ національность, семья, религія, которые входятъ отчасти въ сферу личнаго опредѣленія индивидума, отчасти же въ сферу тѣхъ общественно-эмансипаціонныхъ задачъ, которыя ставитъ себѣ соціализмъ? Како-

вы моральныя требованія, предъявляемыя соціалисту въ его частной жизни, и какимъ нормамъ долженъ онъ подчиняться въ своемъ личномъ поведеніи, чтобы не дѣйствовать въ разрѣзъ съ исповѣдуемыми имъ высокими принципами? Въ какой мѣрѣ примѣняются соціалистомъ мирныя и насильственныя средства борьбы; иначе говоря, какъ разграничиваются въ соціализмѣ области культурной и революціонной дѣятельности?

Нѣкоторые изъ перечисленныхъ вопросовъ ждутъ своего разрѣшенія еще до сихъ поръ.

Съ ученіемъ Маркса соціалистическое міросозерцаніе вступаетъ въ новый, высшій, но отнюдь не заключительный фазисъ своего развитія. Марксизмъ безпощадно осудилъ то, что было романтическаго и маниловскаго въ утопизмѣ, поставивъ на мѣсто произвольныхъ конструкцій *методъ* строго объективнаго изслѣдованія общественныхъ явленій, а на мѣсто неопредѣленныхъ чаяній и черезчуръ платонической проповѣди — принципъ организованной *борьбы*. Провозгласивъ, что „всякая классовая борьба есть борьба политическая“, онъ, казалось, пресѣкъ всякую возможность соединенія соціализма съ политическимъ индифферентизмомъ. Марксизмъ сосредоточилъ свое особенное вниманіе на развивающемся капиталистическомъ обществѣ, изучилъ его функціональныя отправленія и историческую эволюцію, изслѣдовалъ совершающуюся въ его лонѣ перегруппировку классовъ, и перемѣны, происходящія, въ потребностяхъ, стремленіяхъ и взглядахъ этихъ классовъ, открылъ присущія капиталистическому строю тенденціи, сближающія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его стихійное развитіе съ практическимъ осуществленіемъ задачъ соціализма и наконецъ указалъ на пролетаріатъ, какъ на классъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, наиболѣе революціонный и наиболѣе воспріимчивый къ преобразовательнымъ идеямъ, входящимъ въ содержаніе соціализма. Въ этомъ заключается крупная заслуга марксизма передъ соціалистическимъ ученіемъ.

Но, будучи дѣтищемъ своего времени, продуктомъ своихъ творцовъ, прошедшихъ черезъ извѣстную философски-интеллектуальную школу, и реакціею противъ „утопизма“, марксизмъ не могъ оказаться свободнымъ отъ историческихъ переживаній, заблужденій эпохи и крайностей, присущихъ міросозерцанію, которое противоставляетъ себя, въ своемъ возникновеніи ученію, уже существующему.

Марксизмъ усматриваетъ въ развитіи капитализма *правильность и цѣлесообразность*, плохо вяжущуюся съ научнымъ пониманіемъ сложныхъ общественныхъ вопросовъ и граничащую съ *телеологіею*, которою такъ сильно страдали историческія воззрѣнія въ эпохи владычества провиденціализма и метафизики. Генетическая связь марксизма и гегеліанизма привела къ вплетенію въ новое соціалистическое ученіе *діалектическихъ* элементовъ, не чуждыхъ *мистическаго* характера.

Марксизмъ пытался свести все содержаніе соціализма къ единой формулѣ, сливающей въ одно цѣлое всѣ составные элементы соціализма. Согласно этой формулѣ, соціализмъ представляется теоретическимъ выраженіемъ классовыхъ интересовъ пролетаріата, историческая *миссія* котораго заключается въ томъ, чтобы низвергнуть капиталистическій строй, *стихійно* толкаемый на путь крушенія въ силу присущихъ ему противорѣчій, и создать на развалинахъ этого строя соціалистическій режимъ, *стихійно* же подготовляемый въ нѣдрахъ современнаго общества. Для того, чтобы такая стройная, почти математическая формулировка закона развитія и крушенія нашего общественнаго строя могла быть проведена, пришлось опереть функціи на филосовски-историческій аппаратъ, заключающій въ себѣ, на ряду съ глубокими и цѣнными мыслями, весьма проблематическія гипотезы экономическаго, или, если угодно, діалектическаго матеріализма; пришлось искуственно превратить *тенденціи* въ непреложные *законы* физической необходимости; пришлось, чтобы сдѣлать предсказаніе возможнымъ и правдоподобнымъ, упростить до крайности въ теоретическихъ выкладкахъ относящихся къ сложному комплексу историческаго процесса, и дѣйствующія силы, и содержаніе изслѣдуемой соціальной среды; пришлось, наконецъ, допустить, что, взятыя во всемъ своемъ сложномъ многообразіи, тенденціи дѣйствуютъ съ тою же стихійною прямолинейностью, какъ и каждая изъ нихъ въ отдѣльности, все въ одну сторону, ведущую къ стихійному торжеству соціализма. Даже въ самыхъ точныхъ научныхъ дисциплинахъ, какъ напримѣръ, въ механикѣ, физикѣ, астрономіи, дѣйствительный ходъ явленій значительно отличается отъ идеальныхъ выводовъ, получаемыхъ путемъ упрощенія изучаемыхъ комбинацій и пренебреженія второстепенныхъ факторовъ; и, напримѣръ, дѣйствительное движеніе планетъ гораздо сложнѣе и неправильнѣе, чѣмъ это выходитъ по за-

конамъ Кеплера, игнорирующимъ видоизмѣненія, происходящія отъ пертурбаціонныхъ причинъ. Если же принять во вниманіе, что законосообразность общественныхъ измѣненій проявляется скорѣе въ *тенденціяхъ*, чѣмъ въ нормахъ, регулирующихъ неизбѣжность и необходимость явленій природы; что соціалистическія обобщенія и предсказанія — не что иное, какъ вѣроятности болѣе или менѣе высокаго порядка; что соціальная область является комбинаціею въ высшей степени сложною для изслѣдованія; и что, согласно основнымъ принципамъ теоріи вѣроятностей, вѣроятность наступленія явленія уменьшается съ усложненіемъ обусловливающей его комбинаціи, — то станетъ ясно, насколько гипотетична эволюціонная формула Маркса въ ея цѣломъ, и на какомъ шаткомъ основаніи зиждется его соціальный прогнозъ.

Центръ тяжести соціалистическаго міровоззрѣнія былъ перенесенъ въ экономическую область и спеціально въ сферу господства и развитія капитализма и характеризующихъ его общественныхъ отношеній. Область примѣненія соціалистическихъ идей съузилась — и въ смыслѣ воздѣйствія на среду. Чтобы согласовать оффиціальную доктрину партіи съ дѣйствительнымъ ходомъ вещей, все чаще и чаще приходилось прибѣгать къ искусственной интерпретаціи—произвольной и нерѣдко вполнѣ схоластической. Въ случаѣ же попытки примѣненія доктрины къ общественнымъ комбинаціямъ, выходящимъ изъ сравнительно узкихъ рамокъ ученія Маркса, затрудненія становились непреодолимыми.

Нравственныя задачи, разработка высшаго идеала, отступили на задній планъ, отчасти изъ страха впасть въ „утопизмъ“, а главнымъ образомъ потому, что все идейное богатство соціализма стушевалось на фонѣ „борьбы классовъ“ и „интересовъ пролетаріата“. Вѣра въ непреложный ходъ вещей соединялась съ идеализаціею пролетаріата и его исторической миссіи. Политико-моральные, чисто идеалистическіе принципы въ ученіи Маркса до такой степени подчинены „объективной“ основѣ, что ослабленіе послѣдней отнимаетъ твердую почву у первыхъ. Соціализмъ, отождествляемый съ марксизмомъ, перестаетъ быть универсальною доктриною, которая должна была бы служить незыблемымъ основаніемъ для нашихъ лучшихъ идеаловъ, для наиболѣе высокихъ регулятивныхъ принциповъ дѣятельности и борьбы. Когда моральный базисъ стушевался,

а объективный символъ вѣры безпрестанно опровергается жизнью, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого являются разочарованіе, скептицизмъ и прогрессивное пониженіе уровня революціонно-преобразовательныхъ цѣлей и требованій.

Тотъ двойной *кризисъ*, который переживаетъ нынѣ соціализмъ,—кризисъ интеллектуально-идейный и моральный, кризисъ безпринципности, оппортюнизма и деморализаціи,—находитъ себѣ объясненіе въ этомъ нарушеніи внутренняго равновѣсія въ соціалистической доктринѣ — *въ подавленіи морально-идеалистическаго начала и преобладающемъ развитіи въ соціалистическомъ міросозерцаніи объективно-догматическихъ формулъ страдающихъ односторонностями и ошибками.* Вотъ почему ортодоксальный марксизмъ является такъ часто предварительною ступенью къ переходу въ лагерь филистерства и оппортюнизма. Въ этомъ же заключается объясненіе печальнаго раскола въ современномъ соціализмѣ. Съ одной стороны—„ортодоксы“, оставшіеся вѣрными соціалистическому знамени, но судорожно хватающіеся за догму, сильно подорванную жизнью, изъ боязни потерять единственный базисъ для своей революціонной вѣры; въ то же время часто глухіе къ властнымъ велѣніямъ жизни и требованіямъ эмансипаціоннаго идеала; часто безсильные въ исканіи критеріума, позволяющаго ориентироваться въ сложныхъ проблемахъ, выдвигаемыхъ жизнью (примѣръ: дѣло Дрейфуса и поведеніе французскихъ марксистовъ); являющіеся, наконецъ, резервомъ, поставляющимъ новыхъ перебѣжчиковъ въ лагерь „трезвой умѣренности“ каждый разъ, когда дѣйствительность наноситъ новый ударъ такъ свято чтимой догмѣ. Съ другой стороны—„критики“, свободные отъ сектантства и доматизма, но слишкомъ часто свободные и отъ конечнаго соціалистическаго идеала и все неудержимѣе толкаемые жаждою непосредственныхъ мелкихъ результатовъ на путь оппортунизма, безпринципнаго политиканства и полнаго забвенія морально-политическихъ требованій соціализма (практическое бернштейніанство и мильеранизмъ).

Единственное средство къ устраненію зла заключается въ возстановленіи нарушеннаго равновѣсія въ соціалистической концепціи—въ безпощадной критикѣ догматическихъ заблужденій, въ возвращеніи къ идеалу и въ творческой работѣ, направленной на гармоническое сочетаніе морально-политиче-

скихъ запросовъ соціализма съ данными научно-объективнаго изслѣдованія *).

II.

Русское соціалистическое движеніе тѣсно связано съ развитіемъ соціалистическаго міросозерцанія на Западѣ. И „утопизмъ", и „научный соціализмъ", и анархизмъ вліяли въ разныя эпохи въ разной формѣ—прямо или косвенно, въ формѣ первоначальной, переработанной или комбинированной — на идеалы, взгляды и настроеніе смѣнявшихъ другъ друга поколѣній русскихъ революціонеровъ. Но политическій режимъ, низкій культурный уровень среды и экономическая структура въ сильной степени усложнили и затруднили задачу, выпавшую на долю русскихъ соціалистовъ.

Революціонное міросозерцаніе заимствовало изъ соціалистическихъ теорій Запада преклоненіе передъ *догматическими* формулами, *культъ массъ* и *вѣру въ стихійность* движенія. Въ теоріяхъ западно-европейскихъ соціалистовъ центральное мѣсто занимала догма, провозглашавшая историческую миссію пролетаріата и предрекавшая неминуемую гибель капиталистическаго строя въ силу присущихъ ему имманентныхъ законовъ развитія. Революціонная мысль работала надъ приспособленіемъ этихъ теорій къ отечественной жизни, къ борьбѣ въ Россіи.

Охваченные пламеннымъ энтузіазмомъ, революціонеры искали путей и средствъ для отплаты своего долга страдающему, угнетенному народу. Какъ подготовить переворотъ? Вѣдь, ос-

*) *А. И. Комовъ*, Историческіе зигзаги („Вѣстникъ Русской Революціи", № 1).—*А. Гилинъ*, Письма о соціализмѣ и русскомъ движеніи („Наканунѣ", №№ 36 и 37 1901 и 1902).—Послѣ сказаннаго, „ортодоксу", Л. М., рецензировавшему статью мою въ „Зарѣ" № 2-3, стр. 340), станетъ, быть можетъ, ясно, какимъ образомъ у революціонера, не придерживавшагося никогда марксистскаго міросозерцанія и усматривающаго въ нѣкоторыхъ сторонахъ марксизма помѣху для прогрессивнаго развитія соціализма и въ частности революціоннаго движенія въ Россіи, „симпатіи" къ „критикѣ марксизма" могутъ соединяться „съ сочувствіемъ революціонному соціализму".

новой всякой революціи является массовое движеніе; революція только тогда и возможна, результаты ея только тогда и обладаютъ характеромъ прочности и устойчивости, когда въ корнѣ ея—потребности и стремленія народа. Революціонная дѣятельность имѣла смыслъ и оправданіе только въ томъ случаѣ, если народъ или извѣстный слой народа подходилъ, въ глазахъ революціонера, по своимъ стремленіямъ и идеаламъ, къ революціонному символу вѣры. Въ 70-ыхъ годахъ имманентно-революціоннымъ классомъ было провозглашено крестьянство, въ 90-ыхъ годахъ — пролетаріатъ.

Послѣ же того какъ тотъ или другой классъ возводился на революціонный пьедесталъ, какъ *истинный* носитель соціально-революціонныхъ идеаловъ и какъ *единственная* опора освободительнаго движенія, оставалось только его снабдить всѣми аттрибутами, соотвѣтствующими предполагаемой его миссіи. Для этого примѣнялось самая широкая *идеализація*. Признавалось несомнѣннымъ, что въ силу традицій, либо своего экономическаго положенія, либо условій своего развитія, данный классъ проникнутъ или проникается коммунистическими тенденціями, — для народниковъ — крестьянство, для соціалдемократовъ — пролетаріатъ; что этотъ классъ самимъ своимъ положеніемъ, самими условіями своего существованія вынуждается къ борьбѣ съ существующими порядками; что онъ стихійно и неизбѣжно толкается на путь революціоннаго взрыва; что у него достаточно энергіи и силъ для конечнаго торжества надъ силами реакціи, гнета и тьмы; и что роль соціалистической интеллигенціи заключается въ томъ, чтобы внести сознаніе, организованность, порядокъ въ это стихійное движеніе.

Идеализація „избраннаго“ класса вела не только къ переоцѣнкѣ его силъ, его роли и его стихійной миссіи, но и къ видимой конкурренціи между служеніемъ дѣлу этого класса и между высшими принципами соціализма, къ раболѣбству передъ этимъ классомъ, къ суженію, измельчанію задачъ и формъ дѣятельности, забвенію самихъ цѣлей ради средствъ. Она нерѣдко вела къ замѣнѣ идей—*схоластической мыслью*, дѣла—*фразою*, когда ничто не наполняло зіявшей пустоты между міросозерцаніемъ и неподкрашенной дѣйствительностью. Подобное ослѣпленіе идолами, вмѣсто идеаловъ, можетъ имѣть

мѣсто лишь подъ вліяніемъ *фанатизма*, который, какъ извѣстно, заразителенъ.

Обычнымъ послѣдствіемъ преклоненія передъ стихійностью движенія и черезмѣрнаго увлеченія культомъ массъ является тенденція къ подчеркиванію элемента *культурной дѣятельности*. Идеализація неизбѣжнаго хода вещей, ведущаго колесницу исторіи на путь торжества революціонныхъ идеаловъ, какъ-бы возлагаетъ на общественнаго дѣятеля обязанность не только шествовать по той дорогѣ, которую протаптываетъ исторія, но и держаться вблизи того этапа, куда привело стихійное движеніе. О, конечно, тутъ могутъ возникать споры и сомнѣнія относительно того, слѣдуетъ ли идти въ „авангардѣ“ или оставаться „во хвостѣ“ движенія; но вѣдь въ томъ и въ другомъ случаѣ точка зрѣнія побуждаетъ втискивать свою дѣятельность въ рамки, выдвинутыя послѣднимъ звеномъ стихійнаго процесса. Далѣе, идеализація избраннаго класса и его историческаго назначенія вела къ подчиненію творческой силы революціонной мысли и революціонной дѣятельности сферѣ интересовъ даннаго класса, къ ограниченію иниціативы и значенія личнаго начала, къ суженію средствъ борьбы и дѣятельности, къ постепеновщинѣ, къ незамѣтному пониженію до уровня чистаго культуртрегерства. Точка зрѣнія культурника конкурировала съ дѣйствительно революціонною точкою зрѣнія съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ сильнѣе партійный кодексъ перваго былъ уснащенъ *революціонными словами*, и чѣмъ ярче выступала энергія другой въ *революціонномъ дѣлѣ*.

Но та культурная дѣятельность, которая служитъ преддверіемъ и подготовкою къ революціонной работѣ, какъ и вообще всякая культурная дѣятельность болѣе высокаго порядка, всегда встрѣчала въ Россіи страшное препятствіе въ политическомъ самодержавномъ строѣ. Для русскаго соціалиста возникали затрудненія, до сихъ поръ еще неизвѣстные никакой соціалистической партіи въ цивилизованномъ мірѣ. Догматическое міровоззрѣніе и тутъ находило пищу для возбужденія цѣлаго ряда мучительныхъ вопросовъ, получавшихъ противорѣчащія другъ другу рѣшенія. Прежде всего, слѣдуетъ ли русскимъ соціалистамъ домогаться завоеванія политической свободы въ своей странѣ? Казалось-бы, программа партіи, руководимой идеаломъ полнаго освобожденія человѣчества, подразумѣвала

политическое освобожденіе, какъ одну изъ главныхъ эмансипаціонныхъ цѣлей соціализма. Но догма утверждала—и въ этомъ утвержденіи значительную роль играли крупныя недоразумѣнія,—что политическія революціи на Западѣ эксплуатировались буржуазіею въ своихъ интересахъ и въ ущербъ интересамъ народа; та же догма заставляла опасаться, что завоеваніе политической свободы усилитъ буржуазію и ослабитъ въ народной жизни тѣ начала, которыя давали видимое основаніе для идеализаціи и для возложенія надеждъ на стихійное приспособленіе ея къ соціалистическому перевороту. Вопросъ о томъ, должна ли политическая революція предшествовать соціальной или быть слита съ нею, осложнялся еще вліяніемъ ученій „утопическаго“ соціализма и анархическихъ идей. Далѣе, въ той же догмѣ политическая свобода разсматривалась, въ отношеніи къ конечному идеалу, скорѣе какъ средство, нежели какъ цѣль. Въ смыслѣ оцѣнки ея значенія, она, какъ средство, могла быть противополагаема только другимъ средствамъ, а не существеннымъ цѣлямъ. И только грозная борьба за существованіе, борьба за революціонное существованіе заставляла замѣнять „оружіе критики“ на „критику оружія“.

Каждый разъ, когда, подъ ударами неумолимой дѣйствительности, иллюзіи революціонеровъ разлетались въ прахъ, и несоотвѣтствіе тѣхъ или другихъ сторонъ міросозерцанія съ жизнью обнаруживалось въ яркомъ свѣтѣ, на основѣ того же міросозерцанія подымались новые вопросы, одинъ другого мучительнѣе. Согласно духу догмы выходило, что задача политическаго преобразованія выпадаетъ на долю буржуазіи, какъ задача экономическаго преобразованія составляетъ историческую миссію пролетаріата. Какова же должна быть роль соціалистовъ и пролетаріата въ наступающей борьбѣ? Хватитъ ли у буржуазіи силъ, мужества и рѣшимости вступить въ борьбу съ самодержавіемъ? Не слѣдуетъ ли пролетаріату опасаться, чтобы, послѣ побѣды надъ абсолютизмомъ, буржуазія не урвала „конституціоннаго пирога“? Не слѣдуетъ ли соціалистической партіи принять мѣры противъ возможныхъ происковъ буржуазіи? Не слѣдуетъ ли пролетаріату добиться гегемоніи въ революціонномъ походѣ противъ самодержавія и крѣпко ее держать въ рукахъ, чтобы обезпечить себѣ заслуженные плоды побѣды?—Съ другой стороны, дѣйствительно ли буржуазія проявитъ желаніе измѣнить современный политическій строй

Россіи? Не является ли въ дѣйствительности пролетаріатъ единственнымъ революціоннымъ классомъ въ Россіи? Не ему ли должна принадлежать инціатива рѣшительнаго боя? Не ему ли приходится толкать на революціонный путь всѣ оппозиціонные элементы страны? — Затѣмъ, должна ли вступать соціально-революціонная партія въ союзъ съ либералами и вообще съ буржуазно-революціонными слоями общества? Не грозитъ ли ей опасность, въ случаѣ союза, быть обманутою своими союзниками послѣ побѣды или даже во время борьбы? Не грозитъ ли союзъ опасностью затемненія „классоваго самосознанія“ пролетаріата или извращенія правильнаго пониманія задачъ соціалистической партіи?

Наконецъ, для цѣлесообразной борьбы съ самодержавіемъ требуется предварительное накопленіе силъ. Эти силы, согласно утвержденію догмы, должны воплощаться въ организованныхъ массахъ. Самодержавіе не можетъ быть низвергнуто до тѣхъ поръ, покамѣсть силы не накоплены, массы не организованы. Но предварительная работа накопленія силъ оказывается работою недоступною и малопроизводительною до тѣхъ поръ, покамѣсть существуетъ самодержавіе. Какъ же выйти революціонеру изъ этого заколдованнаго круга?

Поколѣнія революціонеровъ слѣдовали одно за другимъ, а революціонная мысль, стиснутая узами догматизма, продолжала мучительно биться, ища выхода изъ лабиринта противорѣчивыхъ вопросовъ и рѣшеній. Изъ партій и теченій, существовавшихъ до послѣдняго времени, Народная Воля, хотя и въ атмосферѣ, насквозь пропитанной народничествомъ, ближе всего подошла къ правильной постановкѣ и раціональному рѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ революціонною дѣятельностью въ Россіи. Но въ силу тяжелыхъ условій революціонной борьбы, составляющей одно цѣлое съ революціоннымъ мышленіемъ, послѣднее, въ своемъ историческомъ развитіи, страдало отсутствіемъ единства и преемственности идей. Гибли драгоцѣнныя силы, жертвы слѣдовали за жертвами, дѣятели и направленія сходили со сцены, эпохи энтузіазма смѣнялись періодами отчаянія и застоя, ставились вновь проблемы, давно, казалось-бы, рѣшенныя жизнью, вновь предлагались рѣшенія, давно осужденныя теоріею и практикою, и нынѣ, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій революціонной борьбы, мы часто стоимъ все передъ тѣми же проклятыми вопросами, какъ будто бы не имѣли за собою

долгой, мучительной и въ то же время весьма поучительной исторіи...

III.

Соціализмъ представляется комплексомъ цѣлей слишкомъ сложнымъ, чтобы ограничивать сферу приложенія силъ своихъ адептовъ одною опредѣленною формою дѣятельности, одною системою средствъ борьбы, однимъ способомъ служенія своей идеѣ. Всюду и всегда соціалистъ обязанъ подчинять свою личную жизнь и общественную дѣятельность моральнымъ и политическимъ требованіямъ, вытекающихъ изъ его соціалистическихъ убѣжденій; всюду и всегда онъ обязанъ пропагандировать свой идеалъ, содѣйствовать усиленію своей партіи и поддерживать всѣ преобразовательныя стремленія, приближающія къ конечной цѣли соціалистической программы. Внесеніе свѣта и сознанія въ народныя массы, пробужденіе эмансипаціоннаго чувства въ эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ, неустанное служеніе дѣлу правды во всѣхъ ея проявленіяхъ, организованіе политической и экономической борьбы, популяризація конечныхъ цѣлей и агитація во имя ближайшихъ требованій входятъ неизмѣнно въ кругъ дѣятельности соціалиста и составляютъ такой же неизбѣжный и обязательный выводъ изъ соціалистическихъ убѣжденій, какъ добропорядочное поведеніе обязательно для честнаго человѣка. Это—дѣятельность, *культурная* въ высшемъ смыслѣ этого слова, проявляемая соціалистомъ во всякой средѣ, при всякой обстановкѣ и во всякомъ политическомъ строѣ.

Это—дѣятельность *культурная*, во-первыхъ, потому, что сама по себѣ она не предполагаетъ насильственныхъ, революціонныхъ средствъ и осуществляется помощью средствъ *мирныхъ*, хотя не всегда легальныхъ, не всегда дозволенныхъ мѣстнымъ закономъ. Это—дѣятельность *культурная*, во-вторыхъ, потому, что она предполагаетъ медленную, продолжительную работу, растянутую на *неопредѣленное* время, и принимаетъ *постепенное* осуществленіе своихъ цѣлей или по крайней мѣрѣ, *постепенное* накопленіе энергіи, необходимой для достиженія этихъ цѣлей.

Соціалистическій принципъ освящаетъ и обязываетъ къ *революціоннымъ средствамъ*, если какая-нибудь изъ основныхъ освободительныхъ задачъ соціализма не можетъ быть разрѣшена мирнымъ путемъ, и если культурно-соціалистическая дѣятельность встрѣчаетъ въ существующихъ условіяхъ препятствіе, или совершенно парализующее энергію партіи, или же обусловливающее такую массу жертвъ и страданій, которая грозитъ атрофированіемъ дѣятельности и является безпрестанною опасностью для самаго существованія партіи. Передъ соціалистомъ возникаетъ *революціонная* задача *насильственнаго* и *безотлагательнаго* устраненія столь грознаго препятствія на его пути.

Но подобная революціонная задача *не противополагается* культурной работѣ соціалиста, а лишь *дополняетъ* и *осложняетъ* ее. Революціонная борьба, конечно, требуетъ силъ, и если эти силы черпаются изъ многочисленной и пестрой арміи, находящейся подъ вліяніемъ пропагандистко-агитаціонной работы соціалистовъ, то онѣ покрываютъ лишь незначительную часть сферы воздѣйствія послѣднихъ, хотя бы потому, что для революціонной работы нужна спеціальная энергія и спеціальныя качества, которыхъ было-бы нецѣлесообразно и несправедливо требовать отъ зауряднаго рядоваго соціалиста. Съ другой стороны, соціалистическая дѣятельность, въ которой логическое и фактическое сочетаніе разныхъ формъ и разновидностей производитъ тѣсную связь зависимостей и взаимодѣйствій, представляется непрерывнымъ рядомъ, восходящимъ отъ самыхъ обычныхъ формъ культурной работы до революціонно-боевой работы въ тѣсномъ смыслѣ. И всѣ эти формы дѣятельности, пополняя другъ друга, составляютъ одно органическое цѣлое, распредѣляясь по силамъ, способностямъ и внутреннему призванію работниковъ соціализма.

Русское самодержавіе, какъ одна изъ самыхъ варварскихъ формъ политическаго гнета, не могла не быть съ самаго начала предметомъ аттаки со стороны русскихъ соціалистовъ, Какъ учрежденіе, основанное на грубой физической силѣ и на вопіющемъ произволѣ, оно исключало и исключаетъ всякое предположеніе о возможности одолѣть его мирными средствами, какъ гипотезу весьма мало вѣроятную. Революціонный натискъ на самодержавіе долженъ быть тѣмъ рѣшительнѣе, онъ долженъ тѣмъ быстрѣе вести къ уничтоженію врага, что

каждый лишній день его существованія вырываетъ новыя жертвы изъ нашихъ рядовъ, что всякія проявленія не только культурно-соціалистической, но и какой бы то ни было свободной общественной дѣятельности оплачиваются цѣною огромныхъ потерь, и что ни одна партія не можетъ сказать себѣ: я существую до тѣхъ поръ, пока живетъ самодержавіе.

Особенности догматическаго міросозерцанія наложили своеобразную печать на отношеніе русскихъ соціалистовъ къ вопросу о низверженіи самодержавія. То политическая свобода разсматривалась не какъ самостоятельная цѣль, а какъ средство, подчиненное цѣли; то, въ силу смѣшенія культурной дѣятельности съ революціонною, политическое освобожденіе казалось дѣломъ неопредѣленнаго, далекаго будущаго, представляясь результатомъ долгой эволюціи, стихійно созидающей въ странѣ враждебныя абсолютизму силы и медленно подрывающей его основу.

Невѣрно, что политическая свобода есть лишь средство, а не самостоятельная цѣль. Соціализмъ былъ-бы слишкимъ узкимъ и частнымъ идеаломъ, еслибы онъ ограничивалъ эмансипаціонныя цѣли однимъ экономическимъ освобожденіемъ, приписывая другимъ освободительнымъ задачамъ значеніе средствъ, которыя, слѣдовательно, какъ средства вообще, могутъ, казалось-бы, быть и отвергнуты въ интересахъ самодовлѣющей цѣли. Соціализмъ, какъ отрицаніе всѣхъ формъ гнета и подчиненія, всѣхъ формъ рабства, объявляетъ безпощадную войну политическому рабству, какъ одной изъ самыхъ омерзительныхъ формъ рабства, и, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, не можетъ не видѣть въ полной демократизаціи общества одной изъ своихъ *основныхъ* цѣлей. Соціализмъ, по внутренней своей природѣ, глубоко *демократиченъ*. И въ томъ положеніи устава интернаціонала—впослѣдствіи видоизмѣненномъ,—которое гласило, что экономическое освобожденіе есть цѣль, которой все остальное подчинено, какъ средство, мы видимъ лишь одно изъ идейныхъ *историческихъ переживаній*. Гораздо ближе подходитъ къ истинному опредѣленію соціализма формула, предложенная Лассалемъ въ его „Бастіа-Шульце“: Solidarität in der Freiheit — солидарность въ свободѣ!

Значительную роль въ томъ деклассированіи политико-освободительныхъ задачъ, которымъ такъ сильно страдало революціонное міросозерцаніе въ Россіи, играло то революціон-

ное преклоненіе передъ „народомъ“ въ 70-ыхъ годахъ и передъ „пролетаріатомъ“ въ наши дни, которое составляетъ отличительную черту крестьянскаго и пролетарскаго народничества. Когда всѣ надежды и все вниманіе соціалистовъ сосредоточиваются на одномъ классѣ населенія—будь это крестьянство или пролетаріатъ, — какъ на верховномъ носителѣ соціалистической идеи, и когда интересы соціализма отождествляются съ интересами этого класса, тогда невольно является тенденція къ смѣшенію высшихъ и общихъ задачъ этого класса — съ точки зрѣнія гипотезы объ его исторической миссіи — съ частными и преходящими задачами. И тогда часто забывается, что, внося свѣтъ и сознаніе въ массы, мы вносимъ также всѣ высшіе идеалы, выработанные человѣчествомъ, высшее представленіе о человѣческомъ достоинствѣ и о *цѣнности свободы для человѣка*. Когда самодержавный произволъ нагло распоряжается нашею жизнью, свободою и честью, когда онъ ежеминутно надругается надъ нашимъ человѣческимъ достоинствомъ, надъ достоинствомъ всего народа, тогда уничтоженіе его становится одною изъ самыхъ главныхъ и насущныхъ задачъ соціалиста, которая должна быть разрѣшена всѣми средствами, не допуская ея подчиненія другимъ, хотя бы и самымъ важнымъ задачамъ. Въ узко-классовой интерпретаціи соціалистической программы кроется одна изъ главныхъ причинъ недоцѣнки самостоятельнаго значенія политико-освободительныхъ задачъ, такъ часто замѣчаемой у насъ и на Западѣ. Какъ часто, напримѣръ, приходится слышать отъ нашихъ соціалъ-демократовъ утвержденіе, что политическая свобода важна не столько сама по себѣ, сколько въ интересахъ развитія классоваго сознанія пролетаріата! Какъ будто, съ точки зрѣнія даже правильно понятаго марксизма, самый пролетаріатъ не представляется *орудіемъ* для выполненія исторической миссіи освобожденія человѣчества отъ всѣхъ формъ гнета, слѣдовательно и политическаго гнета! И если освобожденіе негровъ или освобожденіе крестьянъ не теряетъ въ глазахъ соціалиста своего значенія и своей важности потому, что оно санкціонировано парламентскимъ актомъ или царскимъ указомъ, то низверженіе самодержавія *революціонною* партіею не потеряетъ цѣны и важности потому, что революціонный переворотъ былъ произведенъ тогда, когда сознаніе, силы и организованность про-

летаріата были недостаточны для вступленія въ „классовой“ бой съ этимъ страшнымъ врагомъ, существованіе котораго является почти неодолимымъ препятствіемъ для созиданія прочной рабочей партіи.

Но если политическая свобода, какъ равноправный членъ въ ряду цѣлей, входящихъ въ комплексъ соціализма, не можетъ и не долженъ быть низведенъ на роль средства, то не слѣдуетъ забывать, что нѣтъ такой цѣли, которая не служила-бы въ то же время средствомъ для другихъ цѣлей. И только всеобщее счастье и благополучіе представляется тою высшею инстанціею, которая, если отречься отъ мистико-телеологическихъ воззрѣній, не можетъ быть орудіемъ для чего-нибудь другого. Но для кого не ясно, что завоеваніе свободы дастъ могучій импульсъ развитія соціализма въ Россіи и распространенію его вліянія въ ширь и въ глубь, что только въ свободной странѣ воспитательно-организаціонная работа въ массахъ станетъ возможною въ широкихъ размѣрахъ, и что тогда, въ эпоху всеобщаго энтузіазма, соціалистическая партія, утвердившись на прочныхъ основахъ, пуститъ въ ходъ, для преобразовательной и вообще культурно-соціалистической дѣятельности, ту огромную энергію, на которую способны русскіе соціалисты, вплоть до того дня, когда соціалистическое сознаніе сдѣлается сознаніемъ всенароднымъ, и идеалъ превратится въ дѣйствительность?

Для того, чтобы революціонный переворотъ въ политической жизни страны сталъ возможенъ, не слѣдуетъ апеллировать исключительно къ культурно-соціалистической дѣятельности, которая сама апеллируетъ къ низверженію самодержавія. Абсолютизмъ не перестаетъ губить плоды той самой дѣятельности, которая стремится подточить его существованіе. Абсолютизмъ не перестаетъ насъ душить теперь, какъ душилъ онъ насъ 20 и 30 лѣтъ тому назадъ. Вносите сознаніе въ массы, организуйте рабочихъ и крестьянъ, пропагандируйте идеи соціализма во всякой воспріимчивой къ нимъ средѣ, но не забывайте, какою огромною цѣною, какими огромными жертвами покупается эта *культурная* дѣятельность, которая въ свободномъ политическомъ режимѣ дала-бы несоизмѣримо большіе результаты; не забывайте, что десятки и сотни лѣтъ могутъ пройти, покамѣсть не удастся—если только удается—накопить *массовую* энергію для *революціонной* аттаки на самодержавіе,

412854.

и что сокрушительная дѣятельность самодержавнаго организма достаточно сильна, чтобы, пронесшись ураганомъ, парализовать вашу работу, вселить въ странѣ застой и реакцію и заставить васъ сойти со сцены, какъ сошли со сцены народники-революціонеры 70-ыхъ годовъ и Народная Воля, и какъ сходятъ со сцены каждый день многочисленные группы и кружки, организуемые въ Россіи. И потому *культурная* работа должна быть совокуплена съ дѣятельностью *революціонною*, ставящей себѣ цѣлью возможно быстрѣе смести самодержавіе съ причиняемымъ имъ зломъ и смертоносными опасностями.

Разъ ступивъ на революціонную позицію, соціалистъ станетъ дѣйствовать при помощи тѣхъ силъ и средствъ, которыя стихійно выдвигаются страною, стонущею подъ игомъ деспотизма, — если только, въ мрачные періоды безнадежнаго отчаянія и полнаго оскудѣнія энергіи въ странѣ, ему не придется посвятить свои силы неизбѣжной подготовительной работѣ. Но онъ не станетъ дожидаться того неопредѣленно далекаго момента, когда, согласно распространенному, но весьма шаткому воззрѣнію, народныя массы, проникнувшись сознаніемъ и съорганизовавшись, съ неотразимостью стихійной силы, низринутся на ненавистный имъ абсолютизмъ. Ибо иначе онъ вновь вступитъ въ замкнутый кругъ культурной дѣятельности, который становится заколдованнымъ кругомъ, откуда такъ трудно выбраться тому, кто смѣшиваетъ культурную дѣтельность съ дѣятельностью революціонною.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ произвести огромную работу организованія массъ въ революціонную партію, при существованіи самодержавія, свирѣпо душащаго всякое проявленіе оппозиціи въ странѣ? Какъ разрушить это самодержавіе, когда для этого требуются огромныя организованныя силы массъ? Это — парадоксъ, не разрѣшимый для соціалиста, полагающаго, что политическая свобода можетъ быть завоевана только путемъ долгой и кропотливой культурной работы среди массъ, среди того или другого класса населенія, напримѣръ, крестьянства или пролетаріата.

Г. Плехановъ пытается разрѣшить это противорѣчіе ссылкою на принципъ *развитія* и прибѣгаетъ къ наглядному примѣру соотношенія между курицею и яйцомъ. „Что явилось раньше: курица, или яйцо? Курица могла развиться только изъ яйца; а съ другой стороны, яйцо было снесено курицей...

Не то ли самое и въ политикѣ? Не разрѣшитъ ли и здѣсь ученіе о развитіи всѣхъ тѣхъ противорѣчій, предъ которыми въ искреннемъ недоумѣніи останавливаются революціонеры — метафизики"? *) Прежде всего примѣръ курицы и яйца не особенно утѣшителенъ, напоминая намъ о безконечныхъ біогенетическихъ періодахъ... Далѣе,— принципъ развитія не выражаетъ собою какого-либо чуда: онъ является лишь выраженіемъ закона трансформаціи путемъ безконечно-малыхъ измѣненій, подчиняющихся дѣйствію опредѣленной совокупности силъ. Смотря по природѣ силъ и характеру системы, подверженной ихъ вліянію, система видоизмѣняется, развивается въ опредѣленномъ направленіи. Когда имѣется комбинація антагонистическихъ силъ, то равнодѣйствующая направлена въ сторону наибольшей; и если самыя силы развиваются въ зависимости отъ модифицируемой ими среды, то величина и направленіе равнодѣйствующей будетъ зависѣть отъ закона измѣненія силъ, но принципъ развитія не доставляетъ никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса о конечномъ результатѣ этого сложнаго явленія, — на это требуется самостоятельное изслѣдованіе. Въ данномъ случаѣ примѣненіе закона развитія кончается тамъ, гдѣ начинается вопросъ, лежащій въ основаніи парадокса: какимъ образомъ осуществимо развитіе противо-правительственныхъ силъ въ мѣрѣ достаточной для нанесенія смертельнаго удара самодержавію, обладающими громадными силами, тоже развивающимися, которыми онъ наноситъ непрерывные удары враждебнымъ силамъ по мѣрѣ ихъ нарожденія? и какъ достигнуть того, чтобы борьба не продолжалась въ теченіи геологическихъ періодовъ, а привела къ быстрому и рѣшительному результату?

Можно попытаться разрѣшить затрудненіе указаніемъ на возможность своего рода „взаимодѣйствія" между самодержавною властью и соціалистами, когда, напримѣръ, первая будетъ постепенно уступать „требованіямъ" рабочихъ, ослабляя такимъ образомъ себя и допуская непрерывное усиленіе своихъ враговъ: это—одно изъ тѣхъ предположеній „экономизма", на которое такъ сильно нападали „ортодоксы". Можно, наконецъ, сослаться на „стихійный, непреложный ходъ

*) *Г. Плехановъ.* О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи. Женева, 1892, стр. 80.

вещей", созидающій противъ абсолютизма революціонную армію; это значило-бы удалиться въ „убѣжище незнанія", какъ нѣкогда выразился Спиноза по поводу ссылки на божество, какъ на универсальную причину.

Только революціонная точка зрѣнія въ мысли и революціонная позиція въ борьбѣ выводятъ партію изъ заколдованнаго круга. И если, повидимому, этимъ не всѣ затрудненія разрѣшены, то во всякомъ случаѣ указанное затрудненіе исчезаетъ.

Хотя обѣ формы дѣятельности — революціонная и культурная — не только не противорѣчатъ одна другой, но, комбинируются и дополняютъ одна другую, но въ фактической жизни, подъ вліяніемъ политико-общественныхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ господствующаго въ соціалистическомъ лагерѣ настроенія и міровоззрѣнія, ихъ взаимныя отношеніе видоизмѣняется. Въ эпохи господства культа массоваго движенія, идеализаціи того или другого класса или слоя народа, преклоненія передъ объективнымъ ходомъ вещей и фанатической вѣры въ стихійныя силы, поправляющія историческій процессъ въ сторону осуществленія соціалистическихъ идеаловъ, революціонный элементъ стушевывается, и движеніе, часто революціонное по имени, все болѣе и болѣе становится культурнымъ движеніемъ, неся съ собою всѣ противорѣчія и затрудненія, которыя вытекаютъ изъ положенія соціалиста не-революціонера въ политически порабощенной Россіи *). Стоитъ только окинуть бѣглымъ окомъ исторію русскаго революціоннаго движенія, чтобы убѣдиться въ „стихійной" неизбѣжности указанной ассоціаціи.

Семидесятые годы были эпохою идеализаціи крестьянства и заложенныхъ въ немъ коммунистическихъ началъ, идеализаціею общины и ея исторической миссіи, глубокой вѣры въ революціонноспособность народа и стихійную неизбѣжность соціально-революціоннаго переворота. Какое поразительное сходство съ современнымъ воззрѣніемъ соціаль-демократіи на пролетаріатъ! По словамъ Вл. Дебагорія-Мокріевича, народническая молодежь 70-ыхъ годовъ, зачитывавшаяся Лассалемъ,

*) Послѣ всего сказаннаго, станетъ, быть можетъ, ясно Л. Мартову, какимъ образомъ можно оставаться соціалистомъ, и даже соціалистомъ-культурникомъ, не впадая въ то же время въ филистерскую боязнь революціи (см. „Заря", № 2-3, стр. 192, выноска).

нисколько не задумывалась передъ тождественнымъ примѣненіемъ идеи пролетаріата и ея выводовъ къ русскому крестьянству. „Я полагаю, что ближайшая наша задача заключается не въ томъ, чтобы вызвать, создать революцію, а въ томъ, чтобы гарантировать успѣшный ходъ ея... Въ виду неизбѣжности этого возстанія, нужно только позаботиться, чтобы оно было возможно болѣе продуктивно для народа... Мы будемъ ходатайствовать передъ народомъ объ удовлетвореніи настоятельнѣйшихъ нуждъ страны, нуждъ, сознаваемыхъ хорошо самимъ народомъ; мы предлагаемъ для этого свою посильную помощь“... Не напоминаютъ ли намъ эти мѣста изъ знаменитой рѣчи Мышкина знакомыхъ намъ марксисткихъ тирадъ объ отношеніи соціалистической партіи къ пролетаріату и къ соціальной революціи? Помимо игнорированія политическихъ задачъ, хожденіе въ народъ, не смотря на революціонные идеалы народниковъ, было въ сущности движеніемъ культурнымъ—по крайней мѣрѣ въ пониманіи многихъ народниковъ, и, по свидѣтельству современниковъ, оно врядъ-ли вышло-бы изъ рамокъ культурнаго движенія, еслибы не варварскія преслѣдованія правительства. Съ особенною рельефностью высказалась культурническая тенденція многихъ народниковъ, когда, вслѣдствіе правительственнаго террора, стала, выясняться неизбѣжность революціонной борьбы съ абсолютизмомъ, и когда требовалосъ выяснить отношеніе къ новому фазису движенія. Извѣстенъ рѣзкій отзывъ Желябова о народникахъ „культуртрегерахъ“ послѣ воронежскаго съѣзда.

Міросозерцаніе Народной Воли, насколько оно успѣло опредѣлиться въ боевомъ огнѣ схватки съ самодержавіемъ и въ туманѣ народническихъ переживаній, проявило огромный *прогрессъ* въ томъ отношеніи, что оно отказалось отъ догмата неизбѣжности народной революціи и отъ связанной съ нимъ идеализаціи массъ и объективнаго хода вещей. Для народовольцевъ массовое возстаніе стало простою *возможностью*. За революціонною партіею была признана *самостоятельная* роль, *инициатива* дѣйствія и воздѣйствія. *Низверженіе самодержавія* сдѣлалось ближайшей задачею, которая постепенно дифференцировалась отъ другихъ пунктовъ обще-соціалистической программы и должна была найти свое рѣшеніе въ быстромъ *революціонномъ* переворотѣ. За достиженіе этой ближайшей цѣли взялась революціонная партія,

не затемняя себя иллюзіями и не связывая себя предрасудками, суживающими и размахъ революціонной мысли, и поле воздѣйствія революціонной партіи, и средства борьбы. Народная Воля не допускала монополизаціи соціалистической идеи и революціонной борьбы однимъ какимъ-либо классомъ или слоемъ населенія; она не ограничивала сферы дѣятельности и борьбы однимъ какимъ-либо излюбленнымъ средствомъ, одною какою-либо формою работы. Всюду, гдѣ соціалистическое сѣмя встрѣчало воспріимчивую почву, и всюду, гдѣ страстный призывъ на бой могъ найти сочувственный откликъ,—и въ интеллигенцію, и въ среду рабочихъ, и въ офицерство, и въ учащуюся молодежь, и въ крестьянство, и въ либеральныя сферы — Народная Воля посылала волны энтузіазма, вербовала сторонниковъ, развѣвала знамя свободы и соціализма. Чародная Воля доказала возможность сочетанія *революціоннаго* дѣйствія съ самой широкой *культурно-соціалистическою* и *культурно-политическою* работою. И изъ средствъ борьбы и формъ дѣятельности она признавала законными и и цѣлесообразными всѣ — отъ самыхъ мирныхъ до самыхъ насильственныхъ, — которыя двигали впередъ дѣло партіи и содѣйствовали облегченію ея задачъ. Широта и стройность принциповъ Народной Воли такова, что нынѣ, очищенные отъ примѣсей народничества, развитые въ своихъ послѣдствіяхъ и сообразованные съ данными историческаго опыта и съ современными соціально-политическими условіями, они могутъ лечь въ основу программы революціонной партіи въ Россіи. *)

Послѣ паденія Народной Воли выработалось міросозерцаніе, воспринявшее изъ прогрессивныхъ элементовъ народовольчества лишь признаніе необходимости завоеванія политической свободы, но составляющее во всѣхъ другихъ отношеніяхъ *шагъ назадъ* къ народничеству, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ немъ центральное мѣсто, вмѣсто крестьянства, занялъ фабричный *пролетаріатъ*. Вооруженныя сложнымъ аппаратомъ марксизма, всѣ знакомыя намъ формы идеализаціи были перенесены соціалъ-демократическимъ міросозерцаніемъ на русскую почву. Идеализація пролетаріата и его исторической миссіи до степени идолопоклонства, культъ массоваго движе-

*) См. статьи *А. Галина*, Легенда и дѣйствительность („Накануѣ“, 1900 и 1901 г.)

нія, культъ стихійности, вѣра въ спасительный неизбѣжный ходъ вещей, имѣющій разрѣшить всѣ противорѣчія и привести къ желанному финалу, узкая односторонняя схема общественнаго міровоззрѣнія, замыкающая возникающіе вопросы и рѣшенія въ тѣсныя рамки отношеній между буржуазіею и пролетаріатомъ, развитія капитализма и борьбы экономическихъ группъ,—все это насаждалось съ фанатизмомъ людей увѣровавшихъ въ то, что философскій камень соціологической истины, наконецъ, и теперь только, найденъ, и что остается лишь слѣдовать ея указаніямъ. Движеніе приняло характеръ *культурнаго* движенія. Соціалъ-демократическое міросозерцаніе, при своемъ возникновеніи, не противополагало себя народовольчеству, а только стремилось внести въ это послѣднее коекакія поправки; но потомъ, отчасти въ силу того, что оно появилось и развивалось въ эпоху общественной реакціи въ Россіи, реакціи, наложившей свою печать и на революціонную среду а главнымъ образомъ въ силу внутренней логики своей точки зрѣнія, оно не только стало противополагать себя народовольчеству, но и постепенно эмансипировало себя отъ тѣхъ элементовъ, которые связывали его съ его революціоннымъ прошлымъ.

Группа Освобожденія Труда вначалѣ стояла еще на позиціи революціонной, примыкая по вопросу о политическомъ освобожденіи Россіи и о способахъ борьбы къ Народной Волѣ. Она усиленно подчеркивала лишь необходимость сформировать хоть въ зародышѣ рабочую партію, которая могла бы защищать интересы пролетаріата и соціализма, послѣ низверженія самодержавія. Система политическаго освобожденія не отождествлялась еще съ процессомъ развитія капитализма и ростомъ пролетаріата въ Россіи. Но исключительно пролетарская схема, съ присущимъ ей фетишизмомъ, начинаетъ довольно быстро доминировать, окрашивая программу группы въ культурническіе цвѣта. Достаточно развитое классовое самосознаніе пролетаріата и достаточная степень его организованности являются предпосылкою политическаго освобожденія. Террористическая тактика, первоначально признававшаяся, теперь отвергается. Выдвигается положеніе, что самодержавіе или будетъ низвергнуто пролетаріатомъ или вовсе не будетъ низвергнуто. Единственнымъ способомъ борьбы съ абсолютизмомъ признается агитація въ рабочей средѣ. Роль соціали-

стической партіи ограничивается культурною работою по части воспитанія, организованія и руководительства пролетаріатомъ вплоть до того неопредѣленно далекаго дня, когда неотвратимый ходъ общественнаго развитія разложитъ взростившую самодержавіе историческую почву, и жизнь дастъ сигналъ къ рѣшительному бою. И, когда послѣ долгаго періода реакціи, застоя и „малыхъ дѣлъ", проснувшаяся общественная совѣсть и воспрянувшая революціонная энергія выдвинули рядъ жгучихъ неотложныхъ вопросовъ, главнымъ теоретикомъ движенія предлагается слѣдующее рѣшеніе:

„На вопросъ — *что же дальше*, приходится дать теперь слѣдующій отвѣтъ:

„Дальше — продолженіе начатой освободительной борьбы, въ интересахъ которой мы должны:

1. Организоваться.

2. Принять всѣ зависящія отъ насъ мѣры для выясненія оппозиціоннымъ элементамъ общества истинный характеръ преслѣдуемой нами ближайшей политической задачи.

3. Продолжать политическую агитацію въ трудящейся массѣ.

4. Придать этой агитаціи *болѣе широкіе размѣры*.

5. Придать этой агитаціи еще болѣе широкіе размѣры, распространивъ ее по возможности и на сельское населеніе.

6. Тоже въ большей степени.

7. Тоже въ еще большей степени.

8. Тоже въ самой большей степени.

9. А потомъ... но объ этомъ мы успѣемъ потолковать и въ другой разъ: время терпитъ" *).

Какъ рельефно отражается, не правда ли, въ этой пародіи на остроту все то трезвое и ни чѣмъ ненарушимое спокойствіе, которымъ проникнуто все существо „умѣреннаго и аккуратнаго" культурника! Тысячи людей страдаютъ и гибнутъ каждогодно въ тюрьмахъ и Сибири, — время терпитъ! Дикій произволъ нарушаетъ ежечасно самыя элементарныя человѣческія права и беззастѣнчиво надругается надъ достоинствомъ личности,—ничего, время терпитъ! Полицейскій кулакъ, казацкая нагайка, розга и пуля становятся обычнымъ сред-

*) *Г. Плехановъ*, Что же дальше, „Заря", № 2-3, стр. 37. Курсивъ въ текстѣ.

ствомъ воздѣйствія начальства на русскаго человѣка — „объ этомъ успѣемъ потолковать и въ другой разъ: время терпитъ“!.. Конечно, вѣдь слѣдуя этому мудрому рецепту, мы „лѣтъ черезъ сто“ или, въ крайности черезъ нѣсколько вѣковъ получимъ свободу...

Разсмотрѣніе задачъ, которыя ставила себѣ русская соціалъ-демократія, и формъ дѣятельности, которыя она проявляла со времени своего возникновенія, обнаруживаетъ съ несомнѣнностью, что съуженію міросозерцанія соотвѣтствовало суженіе цѣлей, съуженіе средствъ и съуженіе формъ даже самой культурной дѣятельности. Содѣйствовать постепенному интеллектуальному и соціально-политическому уровню рабочихъ, внося въ ихъ среду начало организаціи и пользуясь всѣми движеніями, стихійно возникающими на основѣ борьбы съ хозяевами за экономическіе интересы, — такова задача, наполнявшая всю сферу дѣятельности русской соціалъ-демократіи вплоть до конца истекшаго десятилѣтія. Огромная культурная работа, совершенная въ этомъ отношеніи, составляетъ крупную заслугу нашихъ соціалъ-демократовъ. Но, какъ выше было замѣчено, внутренняя логика міросозерцанія, реакція противъ широкихъ задачъ Народной Воли и вліяніе общественно-политической реакціи послѣ паденія Народной Воли ограничили даже дѣятельность среди рабочихъ въ смыслѣ способовъ и формъ ея примѣненія. Кружковщина, агитація на почвѣ мелкихъ экономическихъ требованій, стачкизмъ, экономизмъ—слишкомъ хорошо извѣстные фазисы соціалъ-демократическаго движенія и достаточно ясно характеризующіе его своими названіями, чтобы останавливаться на нихъ подробнѣе. Узость, односторонность и сухость доктрины, недоступность ея пониманію многихъ и ограниченіе сферы непосредственнаго воздѣйствія со стороны соціалъ-демократіи однимъ пролетаріатомъ отдалили отъ движенія значительную часть интеллигенціи и общественныхъ элементовъ, которые, при другой постановкѣ дѣла, проявили-бы несомнѣнно воспріимчивость и отзывчивость къ соціалистическимъ и революціоннымъ идеямъ. И замѣчательно, что тотъ ледъ инертности и мелочности, который сковывалъ мысль и работу соціалъ-демократіи, былъ пробитъ студенческими волненіями, вспыхнувшими и развившимися помимо всякаго вліянія и воздѣйствія той-же соціалъ-демократіи.

Да, только пробужденіе общественной совѣсти послѣ долгихъ лѣтъ реакціи, и деморализаціи, пробужденіе новыхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ силъ дало извнѣ импульсъ и мысли, и задачамъ, и дѣятельности соціалъ-демократіи. Почувствовалось дуновеніе новаго времени, болѣе бодраго, болѣе свѣжаго. Явилась необходимость придать своей программѣ революціонный колоритъ, расширить задачи и объемъ дѣятельности: усиленіе политической агитаціи, демонстраціи, революціонныя „манеры“ и революціонная фразеологія въ литературѣ стали отличать новый фазисъ движенія. Но соціалъ-демократическое міросозерцаніе, осудившее узость прежнихъ формъ мысли и дѣятельности, не могло, оставаясь на томъ же теоретически нетронутомъ базисѣ, справиться ни съ затрудненіями, вытекавшими изъ необходимости приспособить узкую доктрину къ сложнымъ общественнымъ комбинаціямъ, ни съ вопросомъ о взаимоотношеніи культурной и революціонной работы, ни съ противорѣчіями, присущими санкціонированію культурной дѣятельности подъ внѣшней революціонной формою. Въ подобныхъ противорѣчіяхъ нынѣ безнадежно бьется соціалъ-демократическая мысль.

Не на почвѣ ли этого разлада между революціонною формою и культурническимъ содержаніемъ выростаетъ то ненормальное и даже прямо уродливое отношеніе къ дѣйствительнымъ революціонерамъ, которое у нѣкотрой части соціалъ-демократіи принимаетъ характеръ полнаго отчужденія, вражды и ненависти къ террористамъ и сторонникамъ террористической тактики? Отношеніе, которое въ поведеніи „Искры“ — газеты, слишкомъ часто прикрывающей, подъ шелухой громкой революціонной фразеологіи, смѣсь филистерства, хлестаковщины и репетиловщины,—дошло до той обостренной атрофіи морально-политическаго чувства, при которой, подъ предлогомъ полемики, для дискредитированія революціонной партіи, выдѣляющей изъ себя Балмашевыхъ и Качуровъ, всѣ средства становятся дозволительными, и правительственной полиціи такимъ образомъ указывается наилучшее средство для сѣянія раздора и деморализаціи въ революціонной средѣ? И не характерно ли, что „полемическія красоты“ „Искры“ не только не вызвали достодолжнаго протеста отъ соціалъ-демократическихъ организацій, какъ слѣдовало-бы ожидать отъ уважающей свое достоинство и свои принципы революціонной

партіи, но что послѣ того, согласно заявленіямъ „Искры“, „комитеты“ Россійской Соц.-Демократической Партіи, одинъ за другимъ, примыкаютъ къ этой самой „Искрѣ“ и признаютъ ее своимъ руководящимъ органомъ?

Конечно, русская соціалъ-демократія en masse нисколько неповинна въ подобныхъ патологическихъ эксцессахъ мелкаго фанатизма; но послѣдніе могли возникнуть лишь благодаря присутствію въ организмѣ соціалъ-демократическаго мышленія болѣзнетворныхъ элементовъ, способныхъ развиваться и компрометировать его нормальныя отправленія. Чтобы прогрессировать, какъ *революціонная* партія, соціалъ-демократія должна подавить эти зародыши въ своемъ міросозерцаніи и расширить свой кругозоръ либо путемъ болѣе свободной интерпретаціи тѣхъ схемъ и положеній, которыя составляютъ основу марксизма, либо путемъ внутренней критики, не той критики, которая ведетъ къ опошленію и оппортунизированію соціализма, а той, которая предохраняетъ соціализмъ отъ тенденціи къ вырожденію. Тогда, и только тогда русская соціалъ-демократія сможетъ удержаться на уровнѣ тѣхъ огромныхъ задачъ, которыя выдвинула современная русская общественная жизнь, и только тогда она не останется далеко позади тѣхъ новыхъ революціонныхъ теченій, которыя стихійно формулируются тѣмъ подъемомъ духа и силъ, который замѣчается нынѣ въ Россіи.

Да, силы нарождаются, идеи ростутъ, и развитіе ихъ составляетъ несомнѣнный поворотъ къ принципамъ Народной Воли. Правда, годы безвременья не прошли безслѣдно, и прогрессивная мысль не выступаетъ еще съ тою рѣшительностью и опредѣленностью, какая требуется по важности момента. Но время возьметъ свое, за кануномъ неизбѣжно „наступитъ настоящій день“.

IV.

Идеализація, которою такъ часто страдало русское революціонное міросозерцаніе, носитъ двойной характеръ: это — идеализація „непреложнаго хода вещей“ и въ то же время идеализація народа или того, или другого класса, либо слоя народа.

Источникъ обѣихъ формъ идеализаціи заключается въ потребности опереть свои дѣйствія и стремленія на стихійныя силы, автоматически подготовляющія осуществленіе цѣлей и упованій индивидума, либо группы или же сознающія благопріятную почву для осуществленія этихъ цѣлей и упованій. Въ области воздѣйствія на природу человѣка находитъ себѣ могучаго помощника и покровителя въ точной наукѣ и научной технологіи. Въ сферѣ общественной дѣятельности задачи слишкомъ сложны, имѣющіяся данныя слишкомъ недостаточны, соціологическія идеи слишкомъ гипотетичны, чтобы позволительно было выводамъ и предсказаніямъ приписывать неизбѣжность желѣзныхъ законовъ природы. На выручку является *вѣра*. Амальгамируясь съ болѣе или менѣе гипотетическими положеніями, вытекающими — дѣйствительно или кажущимся образомъ — изъ объективнаго изслѣдованія, она принимаетъ форму *идеализаціи*.

Въ особенности часто идеализація является естественною спутницею доктринъ *революціонныхъ*. Когда собственныя силы такъ ничтожны, а силы реакціи, тьмы и гнета такъ огромны; когда задача такъ трудна, и каждый шагъ, каждое усиліе оплачивается страданіями и потерями; когда всюду столько зла и мерзости, а побѣда сулитъ золотое будущее, то невольно хочется вѣрить, невольно вѣрится, что въ самой жизни, въ окружающихъ условіяхъ заключаются безусловныя гарантіи торжества идеала и вѣрности средствъ и формъ дѣятельности, санкціонированныхъ революціонною теоріею. Оптимистическое объясненіе процесса общественнаго развитія и оптимическій прогнозъ даютъ основу для внесенія въ міросозерцаніе элементовъ идеализаціи.

Есть еще другая причина идеализаціи, заключавшаяся въ реакціи противъ того фетишизма, который санкціонировалъ вѣчность и необходимость существующаго строя и существующихъ отношеній на томъ основаніи, что этотъ строй и эти отношенія являются неизбѣжнымъ результатомъ неизбѣжныхъ законовъ природы человѣка и общества. Филистеры всѣхъ странъ и временъ доказывали безполезность и безплодность программъ кореннаго преобразованія общественнаго строя на томъ основаніи, что „всегда такъ было и будетъ“ неизбѣжно. Естесвенно было возникнуть идеѣ о томъ, чтобы мнимой „неизбѣжности“ застоя проитивопоставить „неизбѣжность“ революціоннаго переворота и предшествующихъ ему измѣненій.

„Еслибы не было Бога, его бы слѣдовало выдумать“. Какъ часто это изреченіе Вольтера перефразируется людьми, утверждающими, что если подобнаго рода неизбѣжность и не можетъ быть установлена научнымъ образомъ, то съ этою идеею не слѣдуетъ бороться, ибо она, эта идея неизбѣжности торжества революціоннаго идеала, поддерживаетъ вѣру въ минуты трудныя, она окрыляетъ насъ въ суровой борьбѣ, свѣтитъ намъ яркимъ лучомъ въ мрачныхъ дебряхъ неприглядной дѣйствительности и выдвигаетъ изъ нашей среды героевъ, жертвующихъ собою ради торжества идеала! Они забываютъ, что эта идея является фокусомъ цѣльнаго міросозерцанія, въ которомъ цѣли, средства и прогнозъ связаны самымъ интимнымъ образомъ, и что критика подобной схемы, со всѣми кроющимися въ ней односторонностями и заблужденіями, возможна лишь, какъ критика всесторонняя и ничѣмъ не ограниченная. Они забываютъ о грозящихъ разочарованіяхъ, о томъ пессимизмѣ, о той реакціи и деморализаціи, которые являются неизбѣжными послѣдствіями обнаруженія несоотвѣтствія дѣйствительнаго хода вещей символу вѣры, о тѣхъ ошибкахъ, которыя вытекаютъ изъ ложной идеализаціи дѣйствительности и которыя компрометируютъ будуще партіи.

Въ соціалистической программѣ слишкомъ достаточно высоко-идеалистическихъ элементовъ, возбуждающихъ энтузіазмъ и жажду подвига, чтобы надо было еще прибѣгать къ ложной идеализаціи и къ ложному оптимизму. Скорѣе предпочтительна нѣкоторая доза здороваго скептицизма, оберегающаго отъ иллюзій, отъ переоцѣнки своихъ силъ и предрасполагающаго къ трезвому анализу обстоятельствъ. Соціалистъ, какъ

сторонникъ универсальной эмансипаціи въ жизни и въ мысли, не можетъ не эмансипировать своего собственнаго міросозерцанія отъ фаталистическаго культа неизбѣжности, являющагося отчасти историческимъ переживаніемъ отдаленнаго прошлаго, отчасти ложно направленною реакціею противъ фетишистическаго истолкованія той же неизбѣжности. Соціалистъ не станетъ искать въ фетишѣ основанія для приданія сомнительной прочности своей доктринѣ. Онъ убѣжденъ въ *осуществимости* своей программы, своего идеала. Но какъ перекинуть мостъ между *осуществимостью* и *осуществленіемъ?* Объективное изученіе той общественной среды, которая должна подвергнуться его воздѣйствію, и соціальныхъ группъ, ее составляющихъ, съ ихъ потребностями и стремленіями, открываетъ рядъ *тенденцій*, характеризующихъ жизнь и развитіе даннаго общественнаго организма. Эти тенденціи не должны быть возведены въ рангъ непреложныхъ законовъ, такъ какъ онѣ могутъ быть вполнѣ или отчасти парализованы противодѣйствіемъ другихъ тенденцій, не всегда поддающихся учету. *) Таковы, наприм., положенія о прогрессирующей революціонности пролетаріата или оппозиціонности буржуазіи вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма и ростомъ общественныхъ противорѣчій. Однѣ изъ констатируемыхъ тенденцій, благопріятствуютъ стремленіямъ революціонера (развитіе культуры и грамотности и стихійный ростъ недовольства противъ ига абсолютизма, развитіе рабочаго класса и его воспріимчивости къ усвоенію освободительныхъ задачъ, усиленіе противорѣчія между чувствами и идеалами интеллигенціи и существующими политическими формами и пр.); другія тенденціи, напротивъ того, идутъ въ разрѣзъ съ цѣлями и стремленіями революціонера (ростъ организованныхъ силъ самодержавія, вліяніе пускаемыхъ ими въ ходъ средствъ для деморализацію части общества или рабочихъ, вліяніе реакціонныхъ или полу-реакціонныхъ идей, затрудняющихъ развитіе революціоннаго дѣла, и пр.). *Дѣятель революціонной партіи является новымъ факторомъ, направленнымъ на усиленіе благопріятныхъ и на ослабленіе неблагопріятныхъ тенденцій для тор-*

*) Марксъ такъ опредѣляетъ „тенденцію“ въ соціальной области: „Tendenz... ein gesez, dessen absolute Durchfürung durch gegenwirckende Umstände auferhalten, verlangsamt, abgeschwächt wird“ (*Марксъ*, Das Kapital, Band III, T. 1, s. 215).

жества революціоннаго идеала. Вѣрный раціоналистическому духу того міросозерцанія, которое является основою его дѣятельности, онъ будетъ искать опоры своей дѣятельности не въ культѣ неизбѣжности и не въ противо-научныхъ, полумистическихъ пророчествахъ, а въ трезвомъ анализѣ положенія и въ той энергіи, въ той преданности дѣлу, каждое проявленіе которой усиливаетъ *вѣроятность* побѣды, приближаетъ ее, съ каждымъ новымъ успѣхомъ къ достовѣрности. Другихъ рецептовъ для прогноза и для обезпеченія конечнаго успѣха теорія и практика общественной дѣятельности дать не могутъ.

Революціонное міросозерцаніе должно быть свободно отъ обѣихъ крайностей — и отъ идеализаціи, и отъ чрезмѣрнаго пессимизма. Но въ исторіи русскаго движенія идеализація революціонныхъ силъ, революціонныхъ успѣховъ и хода борьбы —слишкомъ обычное явленіе, чтобы не остановиться на немъ подробнѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, не преувеличиваемъ ли мы, революціонеры, на каждомъ шагу свою численность, не переоцѣниваемъ ли мы постоянно свое вліяніе на ходъ событій и то сочувствіе, которымъ мы пользуемся въ обществѣ и народѣ? Это—то самое самообольщеніе, противъ котораго нѣкогда такъ страстно возставалъ П. Н. Ткачевъ, непереставшій твердить, что „насъ мало, страшно мало“. Да, и теперь какъ и 25 лѣтъ тому назадъ, насъ все еще мало — хотя не такъ мало, какъ тогда, — и этого мы никогда не должны забывать, когда строимъ планы и методы борьбы, въ которой мы слишкомъ легко преувеличиваемъ свои шансы болѣе или менѣе скорой побѣды и слишкомъ легко преуменьшаемъ силы своего врага.

Эта склонность къ умаленію силъ и устойчивости самодержавнаго правительства составляетъ тоже одно изъ больныхъ мѣстъ нашего міросозерцанія. Каждое волненіе, каждая стачка, каждый протестъ, каждая демонстрація приводитъ насъ въ преувеличенно-восторженное настроеніе; мы готовы каждый разъ вѣрить, что „конецъ близокъ“, и въ перспективѣ намъ уже мерещится поверженный въ прахъ абсолютизмъ. Самодержавіе, располагающее такими громадными матеріальными силами и держащееся умственною и моральной придавленностью огромной массы населенія, можетъ вполнѣ презрительно относиться къ нашему легкомыслію и къ нашему легковѣрію,

питаемому теоріями, которыя рѣшаютъ жгучія общественные вопросы слишкомъ догматично и слишкомъ часто пользуясь „методомъ аналогіи“.

Въ самомъ дѣлѣ, столь свойственная разнымъ періодамъ русскаго движенія вѣра въ неизбѣжность или близость массоваго революціоннаго взрыва не находитъ ли свой *объективный* источникъ — о *субъективныхъ* причинахъ идеализаціи говорилось уже выше — въ аналогіи, устанавливаемой между положеніемъ дѣлъ въ современной Россіи и общимъ недовольствомъ, гнетомъ, раззореніемъ и возбужденіемъ умовъ въ дореволюціонной, скажемъ, Франціи? но историческія комбинаціи никогда не повторяются тождественнымъ образомъ, и подобныя предсказанія входятъ скорѣе въ область вѣры, чѣмъ науки. Энгельсъ предсказывалъ въ 1845 году для Англіи близкое наступленіе революціи, „въ сравненіи съ которой Французская революція и 1894 годъ окажутся лишь дѣтской игрушкою“ *) Не только это предсказаніе, сдѣланное, какъ впослѣдствіи говорилъ Энгельсъ, „подъ вліяніемъ пыла юности“, не сбылось; но, мало того, современная Англія стоитъ дальше отъ возможности революціоннаго взрыва чѣмъ какая-либо другая цивилизованная страна. Каждый фазисъ революціоннаго движенія у насъ, въ Россіи, находитъ массу вѣрующихъ въ близость неминуемой стихійной революціи, признающихъ исключительную важность даннаго момента, какъ „начала конца“, какъ „кануна революціи“. Въ близость народной революціи вѣрили и соціалисты — народники 70-ыхъ годовъ, и часть народовольцевъ — тѣ именно, которые главное значеніе террористической дѣятельности усматривали въ ея агитаціонномъ воздѣйствіи на массы, какъ бы ожидающія сигнала къ революціи — вѣрятъ въ нее и весьма многіе изъ соціалистовъ, дѣйствующихъ въ наше время. Еще нѣсколько лѣтъ финансовой политики Вышнеградскаго или Витте, еще одна всероссійская голодовка, еще нѣсколько гнусностей правительственныхъ башибузуковъ, и крахъ самодержавія неизбѣженъ — такъ говорилось и вѣрилось, такъ продолжаютъ говорить и вѣрить въ революціонной средѣ, не смотря на всѣ отрезвляющіе уроки и примѣры исторіи. Еслибы только возмущеніе и недовольство,

---

*) Engels, Die Lage der arbeitenden Klasse in England Zweite Auslage, Stuttgart, 1892, стр. 18.

вызываемое злодѣяніями деспотовъ, угнетателей и эксплуататоровъ всѣхъ временъ, было достаточно для упраздненія зла, то исторія давно уже не знала бы гнета и эксплуатаціи!

Въ дѣйствительности, русское самодержавіе боится и трепещетъ, какъ трепетало оно въ эпоху Народной Воли, только передъ *организованною* силою, хотя бы даже и небольшой по объему, но интенсивной, устойчивой и бьющей въ центръ правительственной системы, разстраиваемой такимъ образомъ въ главныхъ и нормальныхъ своихъ отправленіяхъ; но, опираясь само на громадную организованную силу и на темноту, забитость и косность огромной части населенія, оно не такъ страшится — хотя, конечно, и не желаетъ — безпорядочныхъ волненій, стихійныхъ взрывовъ, изолированныхъ протестовъ и вспышекъ. Серьезной опасностью для современнаго режима всѣ эти вспышки являются лишь при наличности организованной борьбы. Вотъ почему первая задача революціонеровъ —вести постоянную, непрерывную борьбу съ самодержавіемъ. Въ послѣднее время среди соціалъ-демократовъ господствуетъ теченіе, которое хочетъ откладывать всякую непосредственную борьбу до того момента, когда партія сможетъ съорганизовать „всенародное возстаніе“. Забываютъ, что при реальныхъ условіяхъ азіатски-самодержавнаго режима „всенародное возстаніе“ не можетъ быть срепетировано и разыграно по нотамъ по сигналу палочки капельмейстера въ видѣ какого бы то ни было нелегальнаго „комитета“; что стихійный элементъ при этихъ условіяхъ будетъ громаденъ; и что поставить себѣ здѣсь неосуществимую задачу можетъ значить лишь отвлечься отъ задачъ осуществимыхъ. Конечно, въ исторіи, какъ и въ природѣ, все течетъ, все движется, все измѣняется; и то, что кажется теперь трудно осуществимымъ, можетъ стать возможностью черезъ огромный періодъ времени, на который нашъ прогнозъ — въ ту или другую сторону — не можетъ распространиться; наконецъ, согласно закону большихъ чиселъ, при достаточномъ повтореніи числа испытаній, всякое событіе, хотя бы само по себѣ и ничтожное, мало вѣроятное, пріобрѣтаетъ достаточные шансы на осуществленіе. Но надо быть Панглосомъ, либо явнымъ культурникомъ, либо революціоннымъ слизнякомъ, чтобы найти утѣшеніе въ подобной надеждѣ и до такой степени на ней строить всю свою „революціонную“ программу, чтобы во имя этого отрицать, покуда

что, дѣйствительно реальные методы напора на правительство и его дезорганизаціи.

Нѣкоторыя формы идеализаціи, равно какъ и крайности противополагавшихся имъ антитезъ, проистекали изъ тѣхъ элементовъ міросозерцанія, которые ставили революціонерамъ задачу слить одновременно соціалистическій переворотъ съ политическимъ, или же изъ смѣшенія культурно-соціалистической дѣятельности съ дѣятельностью революціонною. Такъ, воззрѣніе на *общину*, какъ на базисъ соціалистическаго преобразованія въ Россіи, являлось революціоннымъ символомъ вѣры для народниковъ-соціалистовъ 70-хъ годовъ, стремившихся однимъ ударомъ смести и политическій и экономическій гнетъ. Глубокимъ трагизмомъ вѣетъ отъ возгласа Ткачева: „теперь или никогда“, въ то время, когда каждый годъ промедленія революціи вносилъ разложеніе и деморализацію въ ту самую деревню, на которой основывались всѣ надежды революціонеровъ, и когда, казалось, стихійно подрубался тотъ сукъ, на которомъ держались послѣдніе. Въ дѣйствительности значеніе общины — а значеніе это можетъ быть огромное — можетъ проявиться во всей своей силѣ лишь тогда, когда русскіе соціалисты примутъ фактическое участіе въ парламентской и законодательной дѣятельности, т. е. въ политически свободной Россіи. Когда же соціалисты ставятъ себѣ ближайшей революціонной задачею политическій переворотъ, который они отдѣляютъ отъ переворота соціалистическаго, то вопросъ объ общинѣ, какъ вопросъ *революціонной* программы, отступаетъ на второстепенный или третьестепенный планъ, и рѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ не можетъ чувствительно вліять на постановку ближайшихъ *революціонныхъ* задачъ. Впутывать же въ революціонную программу вопросъ объ общинѣ послѣ того разслоенія политическихъ и соціалистическихъ задачъ, которое сдѣлалось безповоротнымъ достояніемъ революціонной практики благодаря Народной Волѣ, — это значитъ „искать полудня въ четырнадцать часовъ“, согласно одной французской поговоркѣ; это обыкновенно выдаетъ тенденцію обусловливать возможность политическаго переворота такими глубокими перемѣнами въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ, которыя отдаляютъ отъ насъ осуществленіе политическаго переворота примѣрно такъ же, какъ соціалистическое преобразованіе отдалено отъ политическаго.

Точно также и рѣшеніе вопроса „о судьбахъ капитализма въ Россіи“ могло имѣть коренное значеніе для революціонной программы въ пору недифференцированности революціонной задачи политическаго освобожденія Россіи отъ обще-соціалистической работы. Сверхъ того, самая постановка вопроса была нѣсколько односторонняя: насколько дѣло шло о тенденціи капитализаціи производства въ Россіи, таковая существовала уже задолго до возбужденія дискуссіи по этому вопросу въ литературѣ; насколько же рѣчь шла о крайнихъ ступеняхъ развитія капиталистическаго общества, стихійно ведущихъ къ соціалистической трансформаціи, то до сихъ поръ не доказано, что схема Маркса дѣйствительно оправдывается ходомъ развитія капиталистическаго общества въ Европѣ или Америкѣ. Изъ рѣшенія вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ народники 70-хъ годовъ и марксисты 90-хъ годовъ черпали матеріалы для идеализаціи роли, — первые — крестьянства и общины, вторые — пролетаріата. Но въ то время, какъ у первыхъ существовало революціонное, можно сказать, соотвѣтствіе между подобною постановкою вопроса и программою, сливавшею оба переворота, у соціалъ-демократовъ, отдѣлявшихъ въ программѣ политическій переворотъ отъ осуществленія соціализма, подчеркиваніе связи между политическими задачами и развитіемъ производительныхъ силъ въ Россіи свидѣтельствовало опять-таки о томъ, что рѣшеніе жгучаго вопроса о достиженіи политической свободы пріурочивается къ неопредѣленно далекому будущему. Вотъ почему г. Плехановъ могъ еще въ 1885 году съ полнымъ правомъ говорить: „Наша программа разсчитана болѣе на будущее, чѣмъ на настоящее“ *). И вотъ почему тѣ не въ мѣру страстные дебаты объ общинѣ и капитализмѣ, которые были подняты русскими марксистами въ легальной литературѣ 90-хъ годовъ, въ эпоху, когда для *революціонеровъ* эти вопросы не имѣли практическаго значенія, были въ сущности *диверсіею* противъ революціонныхъ задачъ, выдвинутыхъ еще Народною Волею.

*) Г. Плехановъ. Наши разногласія. Женева, 1885 г. стр. 306.

V.

Соціализмъ вербуетъ своихъ сторонниковъ какъ изъ всѣхъ трудовыхъ слоевъ и классовъ населенія, непосредственно испытывающихъ всю тяжесть гнета и эксплуатаціи, такъ и вообще среди лицъ и группъ, способныхъ слить свои моральные и матеріальные интересы съ дѣломъ угнетаемыхъ и эксплуатируемыхъ. Если какой-либо общественный классъ, напр., пролетаріатъ, при данныхъ историческихъ условіяхъ, оказывается особо воспріимчивымъ къ соціалистическимъ идеямъ, то обязанность партіи использовать это весьма важное и благопріятное для дѣла обстоятельство, не съуживая однако своей теоріи до даннаго уровня интересовъ и пониманія исключительно только этого класса. Соціализмъ преслѣдуетъ упраздненіе не только экономическаго подчиненія, но и всѣхъ формъ гнета и эксплуатаціи; въ этомъ смыслѣ соціализмъ является выраженіемъ интересовъ всѣхъ угнетаемыхъ и эксплуатируемыхъ, и въ этомъ смыслѣ онъ не можетъ сдѣлаться монополіею одного какого-либо класса, напримѣръ, пролетаріата, даже если послѣдній, въ данный историческій моментъ и въ данной исторической обстановкѣ, обнаруживаетъ особое тяготѣніе къ соціалистической программѣ и особую склонность бороться за ея осуществленіе.

На долю русскихъ соціалистовъ, сверхъ соціалистической задачи въ тѣсномъ смыслѣ, общей имъ съ соціалистическими партіями свободныхъ странъ, выпала еще особо трудная задача низверженія самодержавія. И потому дѣятельность русскихъ соціалистовъ носитъ тройной характеръ; это, во-первыхъ, — широкая пропаганда соціализма во всѣхъ слояхъ населенія, способныхъ, благодаря своему соціальному положенію и уровню развитія, усвоить основные принципы великаго ученія; это, во-вторыхъ, — революціонная борьба соціалистической партіи съ самодержавіемъ; это, въ-третьихъ,—распространеніе сферы вліянія революціонной партіи на круги, стоящіе внѣ кадровъ соціалистической арміи, съ цѣлью найти въ нихъ поддержку и сочувствіе политическимъ задачамъ соціалистовъ-революціонеровъ.

Соціалистическая пропаганда обнимаетъ собою не только пріобщеніе къ соціализму возможно болѣе широкихъ трудовыхъ рабочихъ массъ, но и всю ту будничную работу, которая составляетъ для соціалиста обязанность, вытекающую изъ моральныхъ основаній его идеала: содѣйствіе борьбѣ труда съ капиталомъ, эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами, борьба съ произволомъ и гнетомъ во всѣхъ проявленіяхъ, безпощадная война съ обскурантизмомъ, внесеніе и словомъ и примѣромъ въ личную жизни и въ окружающую сферу тѣхъ элементовъ добра и правды, санкціонируемыхъ соціалистическимъ долгомъ, которые и въ современномъ общественномъ строѣ могутъ найти свое непосредственное осуществленіе. Это — культурная дѣятельность въ наиболѣе высокомъ и благородномъ смыслѣ, которая получитъ огромный импульсъ послѣ крушенія абсолютизма. Соціалистическая пропаганда должна распространиться и на всѣ интеллигентные слои общества, ибо, какъ доказала исторія движенія въ Россіи, нѣтъ ни одного класса, гдѣ бы соціалистъ не могъ-бы вербовать хотя немногочисленныхъ, но сильныхъ своими качествами прозелитовъ. И эта дѣятельность, *въ той или другой формѣ*, доступна для русскаго соціалиста во всякой средѣ, при всякихъ обстоятельствахъ, во всякой обстановкѣ, если только онъ, соціалистъ, не замурованъ въ четырехъ стѣнахъ каземата. Соціалистическая доктрина должна проникать все существо своего адепта не только какъ объективное воззрѣніе, но и какъ нравственное требованіе, и притомъ не какъ механическое правило, приложимое къ тому или другому случаю, но какъ моральный долгъ соціалиста всегда и всюду дѣйствовать и воздѣйствовать согласно велѣнію соціалистической совѣсти. Тогда только исчезнетъ та аномалія, что соціалистическія воззрѣнія являются аттрибутомъ лишь опредѣленнаго, возраста. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить то обстоятельство, что соціалистическіе и революціонные кадры у насъ почти исключительно составлены изъ молодежи, и что слишкомъ частъ и слишкомъ обыкновененъ у насъ переходъ изъ Sturm-und Drang-Period'a соціалистической юности въ стоячее болото рутины и обывательщины самой ординарной пробы по достиженіи болѣе зрѣлаго возраста? Конечно, отчасти это объясняется тѣмъ, что молодежь вообще болѣе отзывчива къ наиболѣе свѣтлымъ и благороднымъ идеямъ современности, вообще болѣе способна жертвовать своимъ положеніемъ и лич-

ными интересами ради общаго дѣла, что имѣетъ особенное значеніе въ Россіи, гдѣ не только соціалистическая, но и всякая мало-мальски честная общественная дѣятельность вызываетъ гоненія и преслѣдованія. Но существенную роль здѣсь играетъ и то обстоятельство, что революціонное крещеніе у насъ совершается слишкомъ поверхностно: кое-какія указанія на нѣкоторыя опредѣленныя формы общественной дѣятельности, какъ напр., занятія съ рабочими, распространеніе нелегальной литературы, участіе въ собраніяхъ и пр., указанія, объединенныя немногими философско-историческими положеніями, весьма узкими и проблематичными, — вотъ къ чему сводится соціалистическій багажъ, не дающій даже способовъ оріентироваться человѣку въ тѣхъ жизненныхъ положеніяхъ, которыя выходятъ изъ узкихъ рамокъ, охватываемыхъ рядомъ предписываемыхъ рецептовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что популяризація соціализма во всей его широтѣ, какъ высшаго эмансипаціоннаго идеала человѣчества и какъ моральнаго принципа, сообщитъ больше устойчивости міросозерцанію неофита соціализма и наложитъ неизгладимую печать на всю его дальнѣйшую жизнь.

Политическая борьба съ самодержавнымъ строемъ составляетъ одну изъ основныхъ задачъ соціалистической партіи. Но, во-первыхъ, она, политическая борьба, относится, въ данной намъ исторической обстановкѣ, къ обще-соціалистической работѣ такъ, какъ дѣятельность революціонная относится къ дѣятельности культурной въ широкомъ смыслѣ этого слова; во-вторыхъ, *политическія* стремленія русскихъ соціалистовъ могутъ раздѣляться нѣкоторыми другими, не-соціалистическими элементами оппозиціи и вообще всей массы стонущихъ подъ игомъ абсолютизма; въ-третьихъ, низверженіе самодержавія можетъ быть значительно облегчено политическою агитаціею и въ тѣхъ массахъ, гдѣ соціалистическая пропаганда встрѣчаетъ почву благопріятную, способную принести особенно обильные плоды въ политически освобожденной уже Россіи, но гдѣ въ ближайшемъ будущемъ кроющаяся въ нихъ *революціонная* энергія можетъ быть использована для возбужденія на почвѣ ближайшихъ и наиболѣе понятныхъ интересовъ броженія, подтачивающаго силы самодержавія и въ то же время подготовляющаго матеріалы для извлеченія, по завоеваніи политической свободы, максимума экономическихъ и

политическихъ требованій, какія только окажутся возможны въ данный моментъ.

Революціонная дѣятельность соединена съ культурною цѣлымъ рядомъ промежуточныхъ ступеней, съ незамѣтнымъ часто переходомъ между ними; и революціонная борьба въ тѣсномъ смыслѣ связана безчисленными нитями съ мирною пропагандою, съ протестами, петиціями, мирными демонстраціями, стачками и волненіями всякаго рода, получающими *революціонный* смыслъ лишь въ связи съ другими, чисто *революціонными* средствами борьбы. Но идеализація одного или всѣхъ мирныхъ самихъ по себѣ средствъ борьбы до степени противопоставленія ихъ средствамъ революціоннымъ означала бы въ сущности отреченіе отъ революціонной дѣятельности. Точно также идеализація какого-либо слоя, какъ исключительно революціоннаго класса, въ особенности когда подобная идеализація соединена съ культомъ стихійности и культомъ массъ, требующимъ организованія даннаго класса или вообще народа въ его цѣломъ, какъ conditio sine qua non крушенія существующаго режима, почти неизбѣжно влечетъ за собою вырожденіе революціонной борьбы въ культурную дѣятельность. Русская революціонная партія, во-первыхъ, не можетъ ставить себѣ задачею завоеваніе политической свободы исключительно въ разсчетѣ на уничтоженіе самодержавія штурмомъ организованнаго массоваго возстанія—что было бы утопическимъ отрицаніемъ другихъ возможныхъ и необходимыхъ революціонныхъ путей; паденіе самодержавія можетъ быть ускорено лишь крѣпкою организаціею, направляющей свои удары непосредственно въ правительственное ядро, поддерживаемой сочувствіемъ къ себѣ и явною враждою къ правительству со стороны окружающей атмосферы — чѣмъ эта атмосфера интенсивнѣе и экстенсивнѣе, тѣмъ лучше—и питаемой элементами, непрерывно притекающими изъ той же окружающей атмосферы. Она, во-вторыхъ, въ виду трудности своей задачи, въ виду огромности силъ правительства и незначительности своихъ собственныхъ силъ, обязана утилизировать и привести въ движеніе всѣ революціонноспособные элементы населенія, налегая разумѣется съ особенною силою на слои трудового, рабочаго населенія, наиболѣе воспріимчивые къ соціализму и къ революціоннымъ идеямъ, но не идеализируя ни одного изъ нихъ, не монополизируя соціализма и революціонности

ни въ пользу одного изъ нихъ, не связывая себѣ рукъ схоластическими либо метафизическими предразсудками и не пренебрегая ни однимъ атомомъ революціонной энергіи, выдѣляемой россійскою дѣйствительностью. Она, въ-третьихъ, вступаетъ въ революціонную борьбу съ абсолютизмомъ въ моментъ, указываемый состояніемъ ея организаціи и силъ, настроеніемъ среды и политическою конъюнктурою; она добивается политическаго переворота, опираясь въ своей боевой дѣятельности на наличныя и потенціальныя силы партіи; но она не откладываетъ рѣшительной схватки съ самодержавіемъ до момента сплошного организованія народныхъ массъ, либо пролетаріата, либо крестьянства; она не сбиваетъ себя съ толку пророческими формулами и не гипнотизируетъ себя „историческими миссіями“ того или другого класса, опредѣляющими единоспасающій рецептъ, по которому происходитъ фабрикація рѣшеній всѣхъ задачъ выдвинутыхъ временемъ, въ котлѣ стихійной эволюціи.

Та идеализація пролетаріата, которая отличаетъ міросозерцаніе русской соціалъ-демократіи, заимствована, вмѣстѣ съ марксистскими воззрѣніями, изъ западно-европейскаго соціализма. Когда за верховное регулирующее начало соціализма принимаются „интересы пролетаріата“, когда думаютъ и говорятъ, что соціализмъ есть не что иное, какъ теоретическое выраженіе сознательныхъ интересовъ пролетаріата, то въ этомъ утвержденіи вѣрно лишь то, что, при извѣстныхъ условіяхъ, классъ пролетаріевъ является наиболѣе воспріимчивымъ къ соціалистической идеѣ элементомъ массы и притомъ наиболѣе годнымъ къ образованію кадровъ соціалистической арміи, готовой бороться за торжество идеи. Но не слѣдуетъ забывать, что *даже въ марксистскомъ міровоззрѣніи послѣднюю инстанцію составляютъ идеалы обще-человѣческой эмансипаціи, ибо интересы пролетаріата только потому признаются въ этомъ міросозерцаніи верховнымъ критеріумомъ соціалистической дѣятельности, что они совпадаютъ съ высшими освободительными идеалами человѣчества.* Ибо интересы пролетаріата могутъ быть интересами въ узкомъ смыслѣ этого слова отдѣльныхъ группъ пролетаріевъ, какъ они сознаются ими въ опредѣленный моментъ и въ опредѣленномъ мѣстѣ: но тогда они совершенно разнородны и часто антагонистичны: красные и желтые син-

дикаты, соціализмъ и тредъ-юніонизмъ, конкурренція и антагонизмъ между рабочими разныхъ національностей, противоположность стремленій соціалистическихъ и клерикальныхъ рабочихъ союзовъ. Или же это — интересы пролетаріата въ цѣломъ и въ его историческомъ развитіи, интересы, постепенно совпадающіе *въ его сознаніи* съ требованіями соціализма; эта гипотеза совпаденія интересовъ есть, во-первыхъ, *гипотеза*, которая—впрочемъ, не только для пролетаріата, но и для нѣкоторыхъ другихъ эксплуатируемыхъ слоевъ населенія—можетъ соотвѣтствовать болѣе или менѣе дѣйствительности въ одинъ какой-либо историческій моментъ, но которая останется *тенденціею*, могущею, къ несчастью, быть парализованною другими тенденціями при измѣнившихся условіяхъ исторической комбинаціи; во-вторыхъ, это—гипотеза *совпаденія*, въ которой роль высшей инстанціи остается все-же за общеэмансипаціоннымъ идеаломъ соціализма. Или же, наконецъ, это — высшіе интересы идеальнаго, гипотетическаго пролетаріата, сознающаго, что его верховный интересъ сливается съ интересами обще-человѣческими, т. е. съ соціализмомъ; но вѣдь соціализмъ является также моральнымъ достояніемъ всей вообще лучшей части человѣчества, независимо отъ классоваго положенія его адептовъ.

Когда соціалисты забываютъ, что „интересы пролетаріата“ потому не могутъ быть верховнымъ критеріемъ дѣятельности, что высшею инстанціею въ опредѣленіи этихъ интересовъ является соціалистическій идеалъ, то ихъ дѣйствія могутъ идти въ разрѣзъ съ основными эмансипаціонными задачами соціализма, а, слѣдовательно, и съ *высшими* интересами пролетаріата. Уже въ дѣятельности Лассаля, когда онъ, въ интересахъ, конечно, пролетаріата, велъ компанію противъ прусскихъ прогрессистовъ, проскальзывали тенденціи, дѣйствовавшія иногда на руку Бисмарку и монархизму. Поведеніе французскихъ соціалистовъ-марксистовъ во время буланжизма и въ дѣлѣ Дрейфуса показываетъ, въ какой мѣрѣ широко обставленныя задачи соціализма игнорируются и подавляются слишкомъ узкимъ, если угодно „экономическимъ“ пониманіемъ „интересовъ пролетаріата“. Гэдъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ и заслуженныхъ соціалъ-демократовъ, заявлялъ, что для пролетаріата монархія и республика — одно и то же, какъ будто-бы политическая эмансипація не составляетъ одной изъ существенныхъ задачъ

соціализма. Когда Шиппель предлагалъ вотировать пушки полицейскому правительству въ обмѣнъ на кое-какія уступки соціалистамъ, онъ, безъ сомнѣнія, думалъ этимъ оказать большую услугу нѣмецкому пролетаріату. Дѣятельность Милльерана, внесшая столько деморализаціи въ соціалистическій лагерь, находила, даже въ самыхъ возмутительныхъ случаяхъ, постыдную поддержку и оправданіе со стороны значительной части французскихъ соціалистовъ на томъ основаніи, что эта дѣятельность приноситъ весьма осязательную и непосредственную пользу пролетаріату; мало того, милльеранистскія тенденціи сильно развиты въ значительной части, если не въ большинствѣ, французскаго пролетаріата. Наконецъ, нашъ отечественный „экономизмъ“ представлялъ собою своеобразную надстройку надъ узко понимаемыми „интересами пролетаріата“. Въ то же время самая полная преданность „интересамъ пролетаріата“ и міросозерцанію, связанному съ идеею пролетаріата, не препятствуетъ, напримѣръ, зарожденію и развитію въ средѣ польскихъ соціалистовъ и еврейскихъ соціалъ-демократовъ націоналистическихъ чувствъ и тенденцій, противорѣчащихъ духу международнаго соціализма. Да послужитъ все это предостереженіемъ для тѣхъ „ортодоксовъ“, которые такъ боятся критики марксизма только потому, что эта критика, оставаясь на старомъ основаніи и будучи половинчатою, вноситъ раздвоенность, разложеніе и оппортюнизмъ; напротивъ того, только цѣльная и зиждущаяся на эмансипаціонно-соціалистическомъ основаніи критика можетъ спасти „ортодокса“ отъ филистерски-оппортюнистическихъ тенетъ, готовыхъ его охватить всякій разъ, какъ только въ немъ зашевелилось сомнѣніе относительно того или другого догмата марксизма.

Нужно ли повторять, что идеализація пролетаріата русскою соціалъ-демократіею имѣла въ результатѣ съуженіе цѣлей, формъ дѣятельности и міросозерцанія революціонеровъ? Народническій лозунгъ „все для народа и черезъ народъ“ преобразился въ формулу „все для пролетаріата и черезъ пролетаріатъ“. Русскіе соціалисты были словно охвачены революціоннымъ миражемъ. Значеніе успѣховъ, самихъ по себѣ весьма отрадныхъ, которые проявила пропаганда и агитація среди рабочихъ, было преувеличено до невѣроятныхъ размѣровъ. Пролетаріатъ сталъ мерещиться рѣшительно всюду: всѣ событія стали объясняться прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ проле-

таріата, все преломлялось черезъ призму „интересовъ пролетараіта“, все оцѣнивалось съ точки зрѣнія „классовой борьбы пролетаріата“, его развитія, его настоящихъ и грядущихъ побѣдъ. Изданъ законъ 2 іюня,—конечно, побѣда пролетаріата! Правительство затѣмъ кастрируетъ фактически примѣненіе этого закона почти до степени его отмѣны—значитъ, оно дѣйствуетъ изъ страха передъ пролетаріатомъ, чтобы не *казалось*, что оно, правительство, уступило пролетаріату. Студенты волнуются, протестуя противъ полицейскаго произвола и требуя гарантій академической свободы, — это вліяетъ пролетаріатъ! Нужды нѣтъ, что студенческія волненія періодически повторялись въ самодержавной Россіи еще тогда, когда о рабочемъ движеніи не было и помину, — все равно пролетаріатъ! Студенты пускаютъ въ ходъ забастовку — это, видите ли вы, вліяніе рабочихъ стачекъ... Движеніе разростается за предѣлы учащейся молодежи, овладѣваетъ интеллигенціею и лучшею частью общеетва, разряжается въ видѣ знаменитой демонстраціи на Казанской площади и другихъ волненій, — пролетаріатъ! И когда, наконецъ, по призыву вожаковъ, рабочіе стали, дѣйствительно, принимать участіе въ уличныхъ демонстраціяхъ, восторженно заявлялось, что русскій пролетаріатъ первый далъ толчекъ движенію и пр., и пр.

И такимъ густымъ схоластическимъ туманомъ облеклась соціалъ-демократическая публицистика вслѣдствіе узкаго и исключительнаго примѣненія идеи пролетаріата! Сколько споровъ было о томъ, идти-ли партіи впереди пролетарскаго движенія или слѣдовать за стихійнымъ шествіемъ пролетаріата впередъ! Сколько сѣтованій было по поводу забвенія то рабочаго-массовика, то рабочаго-середняка! Когда же волна общественнаго возбужденія заставила расширить горизонты соціалъ-демократической мысли, сколько противорѣчій выплывало въ одномъ и томъ же лагерѣ! То признается аксіомою, что пролетаріатъ своими экономическими интересами стихійно влечется къ соціализму и революціи; то утверждается, что „классовое политическое сознаніе можетъ быть принесено рабочему *только изъ-внѣ*, т. е. изъ-внѣ экономической борьбы“ *). То провозглашается, что пролетаріатъ — единственный революціонный классъ въ Россіи: то выставляется поло-

*) *Ленинъ*, „Что дѣлать?“, стр. 59.

женіе, что только вмѣстѣ съ крестьянствомъ пролетаріатъ сможетъ произвести побѣдоносную революцію, и соціалъ-демократы призываются идти не только въ крестьянство, но и во всѣ классы". *) Центромъ этихъ противорѣчій является та же идеализація пролетаріата, этотъ источникъ фанатизма, слишкомъ часто оказывающагося въ вопіющемъ противорѣчіи съ суровою дѣйствительностью.

Право, русскій пролетаріатъ, которому суждено еще играть крупную, хотя и не все-захватывающую роль въ революціонномъ движеніи, не заслужилъ этого обиднаго для него идолопоклонства; онъ не заслужилъ того, чтобы сдѣлаться источникомъ гипноза, совершенно закрывающаго глаза на дѣйствительность и грозившаго уже завести въ тупой переулокъ и рабочее и, вообще, революціонное движеніе. Соціалистъ никакъ не можетъ и не долженъ игнорировать того важнаго обстоятельства, что, при извѣстныхъ условіяхъ, рабочіе весьма легко усваиваютъ соціалистическія и революціонныя идеи; но онъ не можетъ и не долженъ забывать, что широкіе слои рабочихъ иногда поддаются внушенію и уродливаго націонализма, и суевѣрной обрядности, и зубатовщины, и что рабочее движеніе можетъ быть такъ же временно пріостановлено и терроризировано въ самодержавной Россіи правительственными репрессаліями, какъ и вообще всякое общественное движеніе. Соціалистъ будетъ бороться съ тенденціями, грозящими парализовать революціонноспособность рабочихъ и поставить ихъ во враждебное отношеніе къ революціонному движенію, но онъ въ то же время не сдѣлаетъ изъ пролетаріата кумира, передъ которымъ падаютъ ницъ всѣ другія революціонныя силы и теченія.

Русскій соціалистъ-революціонеръ обязанъ помнить, что соціализмъ есть не только доктрина всѣхъ угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ, трудовыхъ слоевъ населенія, наиболѣе способныхъ стать на точку зрѣнія высшаго идеала — полнаго уничтоженія гнета, полнаго упраздненія классоваго господства, полной эмансипаціи человѣчества, — но что соціализмъ является вообще достояніемъ всѣхъ, которые только въ состояніи отрѣшиться отъ привиллегій и предразсудковъ ста-

*) „Искра", № 21. — *Ленинъ*, „Что дѣлать?", стр. 53 etc.

раго міра и примкнуть къ великому движенію. Онъ не долженъ забывать, что соціалистическое движеніе было въ Россіи уже сильно тогда, когда рабочее движеніе только стало нарождаться, между тѣмъ какъ немало элементовъ, которые были-бы впослѣдствіи выиграны для соціализма при иной постановкѣ дѣла, были отброшены отъ него непонятностью для многихъ, узостью и сухостью развившагося у насъ съ 90-ыхъ годовъ міросозерцанія. Онъ потому станетъ звать подъ соціалистическое знамя и рабочихъ, и крестьянъ, и интеллигентную молодежь, и военныхъ и вообще всѣ лучшіе элементы общества и населенія. Какъ революціонеръ, онъ обязанъ помнить, что самодержавіе—слишкомъ огромная сила, чтобы онъ, поддаваясь иллюзіямъ, имѣлъ право игнорировать хотя-бы одну каплю боевой энергіи, способной пойти въ сокровищницу революціонныхъ рессурсовъ; онъ обязанъ сѣять ненависть къ абсолютизму, всюду призывать къ борьбѣ съ главнымъ врагомъ соціализма, демократіи и прогресса въ Россіи.

Агитаціонно-пропагандистская работа въ крестьянствѣ можетъ дать не менѣе, если еще не болѣе важные результаты, чѣмъ дѣятельность среди городскихъ рабочихъ. И происходящее на нашихъ глазахъ расширеніе сферы дѣятельности революціонеровъ на деревню знаменуетъ собою прогрессивную тенденцію раздвиженія міросозерцанія и тактики революціонеровъ за предѣлы тѣхъ узкихъ рамокъ, куда теорія и практика русскихъ соціалистовъ были втиснуты реакціею 80-хъ годовъ. Но чѣмъ важнѣе дѣятельность въ крестьянствѣ и ожидаемые отъ нея результаты, тѣмъ сильнѣе слѣдуетъ соціалистамъ-революціонерамъ оберегать себя отъ повторенія ошибокъ, отличавшихъ прежніе періоды движенія: отъ идеализаціи крестьянства, подобной воззрѣнію на народъ соціалистовъ-народниковъ 70-хъ годовъ или аналогичной идеализаціи пролетаріата соціалъ-демократіею; отъ смѣшенія въ этой дѣятельности и возлагаемыхъ на нее надеждахъ элементовъ культурно-соціалистическихъ и революціонныхъ; отъ обусловливанія политическаго переворота требованіемъ, чтобы крестьянство подверглось во *всей* своей массѣ предварительному воздѣйствію и организованію со стороны революціонной партіи. При соблюденіи этихъ условій, — отрицательныхъ по своей природѣ, — слѣдуетъ ожидать, что благотворные результаты пропаганды и агитаціи въ крестьянствѣ ускорятъ низверженіе самодержавія

и явятся залогомъ силы соціалистической партіи на слѣдующій день послѣ политическаго переворота.

Русскіе революціонеры не должны ограничивать сферы своего воздѣйствія лишь тѣми слоями населенія, соціальное положеніе которыхъ предрасполагаетъ къ усвоенію соціалистической программы. Ставя себѣ ближайшею политической задачею освобожденіе Россіи отъ ига абсолютизма, русскіе соціалисты-революціонеры должны привлечь къ себѣ симпатіи и поддержку, въ выполненіи этой своей политической задачи, со стороны тѣхъ элементовъ общества и населенія, гдѣ менѣе благопріятна почва для соціалистической пропаганды въ тѣсномъ смыслѣ, но гдѣ борьба съ самодержавіемъ найдетъ горячій откликъ и симпатіи къ политическимъ борцамъ. Русскій политическій строй представляетъ такую чудовищную систему всевозможнымъ образомъ переплетающихся формъ гнета и произвола, какъ напримѣръ, національнаго и религіознаго угнетенія, что *политическая* программа соціалистовъ можетъ соединить подъ знаменемъ освободительнаго движенія множество элементовъ, которыхъ не могло-бы объединить соціалистическое знамя въ тѣсномъ смыслѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда чувство возмущенія противъ гнета не выработало опредѣленнаго общественнаго теченія или организованной оппозиціи, дѣло соціалистовъ-революціонеровъ вызвать къ жизни протестъ, формировать его какъ общественную силу и вовлечь ее въ кадры борющихся. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда недовольство политическимъ строемъ успѣло уже вылиться въ видѣ болѣе или менѣе сформировавшейся партіи, соціалисты-революціонеры должны содѣйствовать ея революціонизированію и, вступая съ нею въ соглашенія въ моментъ рѣшительной борьбы съ правительствомъ, увеличивать интенсивность нападенія на самодержавіе.

Оживленіе революціонной дѣятельности въ Россіи обыкновенно посылаетъ индукціонные токи въ такъ называемую либеральную среду, къ которой относятъ оппозицію, желающую политическаго преобразованія Россіи, а также элементы, не относящіеся враждебно къ соціализму, но ограничивающіе свою дѣятельность мирными и легальными формами. Революціонеры должны использовать оппозиціонное настроеніе „либераловъ“, способствовать его переходу въ болѣе острыя и смѣлыя формы, поднять въ нихъ духъ протеста и возбужденія и согла-

совать всѣ формы революціонной и оппозиціонной энергіи въ одинъ боевой кличъ противъ самодержавія.

Но было-бы большою ошибкою отождествлять россійскій „либерализмъ“ съ „буржуазіею“ въ томъ специфически-классовомъ смыслѣ, какъ этотъ послѣдній терминъ понимается марксистами; было-бы ошибочно усматривать въ „либерализмѣ“ нашихъ либераловъ идеологію торгово-промышленной буржуазіи. Еще большею ошибкою было-бы надѣлять эту торгово-промышленную буржуазію, на западно-европейскій манеръ, „миссіями“ и „задачами“, отъ которыхъ она стоитъ такъ же далеко, какъ тѣ схемы, которыя лежатъ въ основѣ этихъ предположеній, стоятъ далеко отъ дѣйствительной жизни. Сколько разъ, напримѣръ, утверждалось и доказывалось въ нашемъ революціонномъ лагерѣ, что наша „буржуазія“ непремѣнно вступитъ въ бой съ самодержавіемъ и добьется политической свободы! *) Сколько разъ, сверхъ того, доказывалось, что при этомъ она строитъ или будетъ строить злыя козни противъ народа или—въ соц.-демократическую эпоху—пролетаріата, намѣреваясь пожать одна плоды побѣды надъ абсолютизмомъ въ ущербъ интересамъ народа или пролетаріата! Сколько споровъ было въ революціонномъ лагерѣ о томъ, вступать или не вступать въ союзъ революціонерамъ съ либеральною буржуазіею въ общемъ походѣ противъ самодержавія!

Дѣйствительность показываетъ, что разсчитывать на русскую торгово-промышленную буржуазію, какъ на классъ, способный проявлять либерально-оппозиціонныя или даже либерально-революціонныя тенденціи, было-бы черезчуръ наивно. Ибо если допустить вѣрность того положенія, что европейская буржуазія, въ своей освободительной борьбѣ, сливала въ своемъ представленіи свои классовые интересы съ интересами всего народа, и что ея борьба съ остатками феодализма была въ этомъ смыслѣ *всенародною* борьбою, привлекавшею къ себѣ всѣ оппозиціонно-демократическіе элементы страны, то этого никоимъ образомъ нельзя сказать о русской буржуазіи, поставленной лицомъ къ лицу съ соціалистическимъ движеніемъ, безусловно радѣющимъ объ истинныхъ интересахъ народа, движеніемъ, существовавшимъ въ Россіи еще тогда,

*) См., напр., *Плехановъ*, Наши разногласія, стр. 126—128, и Задачи русскихъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ.

когда буржуазія только „нарождалась“. Въ каждый данный моментъ лучшія силы страны уходятъ въ лагерь наиболѣе радикальный, наиболѣе смѣло и энергично заявляющій требованія, дѣйствительно соотвѣтствующія интересамъ народа и въ то же время легко доступныя пониманію и усвоенію вслѣдствіе предшествовавшей умственной культуры. Вотъ почему нынѣ лучшія интеллектуальныя и моральныя силы уходятъ изъ рядовъ западно-европейской буржуазіи и примыкаютъ или приближаются къ соціализму. Съ другой стороны, о сравнительной эволюціи классовой идеологіи можно сказать нѣчто аналогичное тому, что замѣчается въ отношеніи сравнительнаго развитія капиталистической технологіи: какъ молодая страна, нынѣ вступая на путь капиталистическаго производства, не имѣетъ надобности заимствовать у болѣе зрѣлыхъ странъ формы капитализма, предшествовавшія крупной капиталистической промышленности, простую кооперацію, мануфактуру,—а сразу заводитъ у себя наиболѣе совершенныя формы крупно-капиталистической технологіи, такъ и буржуазія молодой страны отнюдь не испытываетъ необходимости ассимилировать себѣ идеи буржуазіи прежнихъ періодовъ. Гораздо естественнѣе ей усвоить себѣ стремленія и настроеніе *современной* европейской буржуазіи, давно уже утратившей идеализмъ прежнихъ дней и въ силу разныхъ причинъ—изъ которыхъ одна заключается въ страхѣ передъ соціализмомъ — слишкомъ часто обнаруживающей свою неподдѣльную *реакціонность*. Въ частности, русская торгово-промышленная буржуазія, менѣе всего проникнутая идеалистическими стремленіями, имѣетъ не мало причинъ дорожить тѣми реальными выгодами, которыя она извлекаетъ изъ самодержавнаго строя, — покровительственною системою, являющеюся часто синонимомъ систематическаго ограбленія народа общаго безправія и правительственнаго произвола, позволяющаго съ большею легкостью эксплуатировать рабочихъ и потребителей, — и не стремиться къ водворенію новыхъ порядковъ, отъ которыхъ врядъ-ли поздоровится ея кошельку и ея спокойствію. И дѣйствительно, современная русская торгово-промышленная буржуазія не только не проникнута враждебными чувствами къ абсолютизму, но скорѣе — одинъ изъ самыхъ надежныхъ оплотовъ самодержавія.

Русскіе революціонеры не должны разсчитывать на торгово-промышленную буржуазію, какъ на *классъ*, способный

открыть кампанію противъ самодержавнаго строя или поддержать борьбу противъ него, уже начатую революціонерами. Но съ этою торгово-промышленною буржуазіею не слѣдуетъ смѣшивать тѣхъ среднихъ слоевъ общества, которые не связаны классовою точкою зрѣнія *этой* буржуазіи и которые не имѣютъ ни матеріальнаго, ни моральнаго интереса въ отстаиваніи деспотизма; напротивъ того, ненависть къ политическому безправію и произволу, отъ котораго они такъ сильно страдаютъ, какъ составная часть всего населенія Россійской имперіи, толкаетъ ихъ на путь оппозиціи и борьбы — до сихъ поръ, правда, легальной — съ абсолютизмомъ. И анти-правительственное броженіе въ этихъ „либеральныхъ“ элементахъ становится сильнѣе и опредѣленнѣе каждый разъ, когда начинаютъ шевелиться революціонеры. Этотъ опозиціонный слой, въ который входятъ и многочисленный классъ лицъ, занимающихся либеральными профессіями, и часть дѣятелей по городскому и земскому самоуправленію, и тѣ наиболѣе честные интеллигентные элементы всѣхъ слоевъ общества, которые не идутъ далѣе политическаго радикализма, стремится къ болѣе сноснымъ политическимъ условіямъ существованія и не можетъ быть заподозренъ въ узко-классовыхъ, узко-буржуазныхъ интересахъ, направленныхъ, въ своемъ политическомъ домогательствѣ, противъ интересовъ народа. Самая слабость и неоформленность этихъ теченій отнимаютъ у нихъ значеніе такой силы, которой слѣдовало-бы бояться въ одномъ или на которую можно было-бы возлагать усиленныя надежды въ другомъ отношеніи. Вотъ почему до-нельзя преувеличены и страхи за „гегемонію“ соціалистической партіи въ политическомъ освобожденіи Россіи, и упованія на политико-освободительную миссію и, значеніе споровъ о союзѣ съ „буржуазіею“.

Но если русскій либерализмъ самъ-по-себѣ не представляетъ иниціативной силы, способной помѣряться съ самодержавіемъ и принудить его къ рѣшительнымъ уступкамъ, то, подъ вліяніемъ импульсовъ, получаемыхъ изъ революціонной партіи, онъ, либерализмъ, способенъ поднимать голову и усиливать своимъ вмѣшательствомъ затрудненія правительства, аттакуемаго революціонерами. Задача послѣднихъ заключается въ томъ, чтобы направить въ одинъ общій фокусъ протесты, вражду и неудовольствіе, причиняемыя правительственнымъ произволомъ. Революціонеры должны стремиться окружить са-

модержавіе атмосферою ненависти и недовѣрія, утилизируя для этого всѣ оппозиціонныя энергіи, заражая эту атмосферу революціоннымъ электричествомъ и оглашая ее революціонными ударами. И какъ ни крѣпко держится самодержавіе, но не устоять ему передъ грознымъ революціоннымъ ураганомъ.

VI.

Русскіе революціонеры должны себѣ поставить цѣлью безпрестанными нападеніями, повторяющимися волненіями и никогда не прерывающимися выраженіями общественнаго возбужденія, протеста и неудовольствія парализовать нормальный ходъ жизни правительства, сдѣлать существованіе самодержавія невыносимымъ, чего даже въ самомъ наихудшемъ случаѣ будетъ достаточно по крайней мѣрѣ для того, чтобы принудить его пойти на такія серьезныя уступки, которыя значительно облегчатъ намъ дальнѣйшую борьбу.

Русскіе революціонеры должны стремиться къ политическому перевороту *осуществимому*, и притомъ осуществимому *не въ неопредѣленно далекомъ будущемъ*. Стремиться къ завоеванію политической свободы исключительно путемъ *организованнаго* всенароднаго возстанія, исключая всѣ другія возможности, значитъ впадать въ утопію или фактически ограничивать свою программу культурною дѣятельностью со всѣми сопутствующими ей противорѣчіями и страданіями, и безъ прочной надежды восторжествовать надъ самодержавіемъ даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ. И потому организація массовой революціи не можетъ входить въ программу революціонной партіи, какъ единственный всеисчерпывающій пунктъ ея тактики.

Въ самомъ дѣлѣ, если разъ навсегда отказаться отъ идеализаціи историческаго процесса, сулящаго яко бы стихійную революцію, отъ идеализаціи революціонноспособности народа и составляющихъ его слоевъ и группъ, отъ признанія полумистическихъ специфическихъ революціонно-историческихъ миссій за тѣмъ или другимъ классомъ, будь это буржуазія или

пролетаріатъ, то придется признать, что задача революціонной партіи, вербующей силы для успѣшной борьбы съ самодержавіемъ, сводятся къ внесенію *революціоннымъ меньшинствомъ* революціонныхъ стремленій, чувствъ и идей въ элементы населенія, обнаруживающіе достаточную къ тому воспріимчивость, въ силу всего разнообразія условій, облегчающихъ имъ пониманіе противоположности своихъ моральныхъ и матеріальныхъ интересовъ существованію самодержавія. Когда же революціонная партія стремится къ массовой революціи, она кладетъ въ основу программы своей дѣятельности требованіе воспитать и организовать тѣ огромныя массы, которыя призваны поднять знамя всенароднаго возстанія. Если же сопоставить рессурсы обѣихъ борющихся сторонъ — самодержавнаго правительства, обладающаго милліонною арміею, искусною полиціею и вѣками сложившимся могущественнымъ административнымъ механизмомъ, распоряжающагося всѣми средствами науки и техники, опирающагося на вѣковыя традиціи, на престижъ власти въ массахъ и на некультурность тѣхъ же массъ,—и революціонной партіи, представляющей изъ себя тайное общество, бьющееся еще надъ созданіемъ организаціи, оплачивающее каждый шагъ впередъ огромными жертвами и страданіями, берущее на себя, при такой трудности жить и дѣйствовать, сизифову работу вселить революціонное сознаніе, организовать и поднять огромныя массы, до сихъ поръ морально обученныя и дисциплинированныя культомъ царской власти,—то для всякаго незараженнаго ортодоксіей и фанатизмомъ становится очевиднымъ, насколько программа организаціи всенароднаго возстанія, какъ единственнаго реальнаго средства непосредственной борьбы, въ Россіи оказывается необъятною по размѣрамъ и мучительно долгою по времени, насколько она игнорируетъ трудности и противорѣчія, ограничивающія выполнимость „покушенія на покушеніе“ произвести революцію, и насколько ничтожные шансы конечнаго успѣха дѣлаютъ подобную программу утопичною.

Но, — скажутъ, — развѣ побѣдоносныя народныя революціи составляютъ въ исторіи уже такую рѣдкость? Но о чемъ здѣсь идетъ рѣчь?—спросимъ мы въ свою очередь, — о стихійныхъ взрывахъ, которые не могутъ быть учтены даже съ большою дозою идеализаціи и оптимизма, и которые при томъ, какъ стихійныя всенародныя революціи, для Россіи предска-

зывались такъ часто и съ такою увѣренностью и въ то же время, такъ безрезультатно? Революціонеръ потому и есть революціонеръ, что онъ вноситъ въ дѣло свою иниціативу и подготовляетъ переворотъ, не дожидаясь того, что авось судьба надъ нимъ сжалится и принесетъ стихійную революцію. Толки объ „облегченіи мукъ родовъ“ могутъ только имѣть смыслъ тогда, когда неизбѣжность родовъ констатирована, и разрѣшеніе отъ бремени не откладывается въ неизвѣстное и неопредѣленно далекое будущее.—Или рѣчь у насъ идетъ о народномъ возстаніи, организованномъ революціонною партіею? Но тогда, — спросимъ мы опять, — знаетъ ли исторія примѣръ болѣе трудной и мучительной задачи, чѣмъ та, которая выпала на долю русскихъ революціонеровъ? Энгельсъ высказалъ сильное сомнѣніе въ возможности для *западноевропейской* соціалъ-демократіи успѣшнаго городского возстанія, въ виду условій современной техники военнаго дѣла. Но если, по мнѣнію Энгельса, соціалистическое массовое возстаніе встрѣчаетъ почти неодолимыя препятствія даже въ Западной Европѣ, гдѣ революціонная дѣятельность облегчена свободою печати, собраній, союзовъ, агитаціи и вообще конституціоннымъ режимомъ, то во сколько разъ эти трудности усиливаются въ Россіи, гдѣ политическій переворотъ направленъ именно на завоеваніе всѣхъ этихъ элементарныхъ гражданскихъ правъ и гдѣ борьба съ цѣлью распропагандированія и организованія революціонной партіею массъ, въ томъ числѣ и войска, наталкивается на извѣстныя уже намъ трудности и препятствія! И во сколько разъ всѣ эти затрудненія усугубляются еще стремленіемъ произвести народными массами *политическій* переворотъ. Ибо если рѣшительно отрѣшься отъ демагогической идеализаціи, искажающей дѣйствительный характеръ переворота, популяризировать политическія идеи у насъ несравненно труднѣе, чѣмъ выставлять, напримѣръ, требованія экономическія, болѣе понятныя массамъ, или вести агитацію во имя движенія экономическаго!

О! мы, конечно, знаемъ, что въ подобныхъ вопросахъ, гдѣ цифры и точные факты не произносятъ своего рѣшающаго слова и гдѣ достаточныя объективныя данныя амальгамируются съ данными субъективной природы изслѣдователя и общественнаго дѣятеля, послѣдними инстанціями являются *вѣра* и *темпераментъ*. Но тамъ, гдѣ математическая формулиров-

ка заключенія невозможна, является принципъ *вѣроятности*. И въ данномъ случаѣ всѣ извѣстныя намъ вѣроятности—противъ признанія цѣлесообразности идеи организаціи народнаго возстанія въ Россіи, какъ единственнаго средства разрѣшить задачу завоеванія политической свободы.

Итакъ, если только революціонеры не станутъ облекать культурную дѣятельность въ революціонную одежду, если они не сосредоточатъ своихъ надеждъ на терпѣливо ожидаемой счастливой случайности, и если они не допустятъ траты драгоцѣнныхъ силъ въ безполезныхъ кровопролитіяхъ, они должны будутъ отказаться отъ мысли о выполненіи политическаго переворота исключительно помощью организованнаго всенароднаго возстанія.

Но что же тогда остается дѣлать революціонерамъ, сверхъ культурно-соціалистической и культурно-политической работы?

Имъ остается или, отказываясь отъ борьбы со всѣми добровольными и наемными силами, охраняющими самодержавіе, вступить въ непосредственный бой съ центромъ, призывая его къ отвѣту за узурпированіе власти у народа, или же, воздерживаясь отъ открытаго сраженія, въ которомъ превосходство силъ и организаціи царизма заранѣе обрекаетъ атакующихъ на неудачу, вести организованную партизанскую борьбу, поддерживающую въ странѣ возбужденіе, не дающее никогда непріятелю покоя. Но русскимъ революціонерамъ необходимо соединять въ борьбѣ обѣ тактики, направленныя на то, чтобы, употребляя выраженіе народовольцевъ, *дезорганизовать и деморализировать* самодержавное правительство и *принудить* его такимъ образомъ къ выполненію требованій, предъявляемыхъ революціонною партію. *Террористическая дѣятельность* съ одной стороны, *демонстраціи, стачки, протесты, петиціи и всевозможныя волненія, всевозможныя манифестаціи* — отъ самыхъ мирныхъ и легальныхъ до насильственныхъ и рѣзко противоправительственныхъ съ другой стороны — ставятъ себѣ общею цѣлью вселить ужасъ и смятеніе въ непріятельскомъ лагерѣ, сдѣлать жизнь правительства невыносимою и заставить его *уступить*.

Вотъ почему терроръ, вмѣстѣ съ сопутствующими ему средствами воздѣйствія на правительство неизбѣжно выплываютъ на очередь каждый разъ, когда являются революціонеры,

которые не только на словахъ, но и на дѣлѣ вступаютъ въ борьбу съ деспотизмомъ.

Но противъ террора выдвигается цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ аргументовъ, въ общемъ свидѣтельствующихъ о томъ, въ какихъ потемкахъ еще продолжаетъ бродить русская соціально-революціонная мысль.

Противники террора пытались было даже наложить veto на защиту террористической тактики заграничной революціонной публицистикѣ. Мудрые цензоры, кричавшіе о безнравственности „взыванія къ террору изъ-за границы", въ то же время оставляли за собою право подвергать самой придирчивой критикѣ терроръ изъ-за границы же; они же нисколько не стѣсняли себя „въ взываніи изъ-за границы" къ организованію манифестацій, стачекъ и къ разнымъ формамъ противо-правительственной или вообще не дозволяемой въ Россіи дѣятельности, правда по содержанію весьма скромной, но въ общемъ обходящейся весьма дорого участникамъ движенія...

Противъ террора приводилось то удивительное соображеніе, что терроръ — такое тактическое средство, къ которому можетъ прибѣгнуть *всякая* партія для достиженія своихъ цѣлей, которымъ, слѣдовательно, могли-бы воспользоваться въ Россіи, напримѣръ, крѣпостники и реакціонеры противъ либеральнаго правительства. И этотъ доводъ, высказанный ренегатомъ Тихоміровымъ въ его покаянной брошюрѣ „Почему я пересталъ быть революціонеромъ?", повторяется нынѣ соціалистами, не брезгующими никакими источниками для извлеченія аргументовъ противъ ненавистнаго террора! Еслибы этотъ доводъ имѣлъ смыслъ, то изъ него неизбѣжно вытекало-бы заключеніе, что мы не имѣемъ, права наприм, пользоваться въ хозяйствѣ ножами и топорами потому, что этими же орудіями пользуются для своихъ преступленій убійцы и грабители... Мало того, сторонникамъ указаннаго аргумента пришлось бы отказаться, руководствуясь тою же логикою, и отъ замысла народнаго возстанія, ибо массовой взрывъ, какъ контръ-революція темныхъ и невѣжественныхъ массъ, есть такое же средство, отъ котораго отнюдь не отказывались реакціонеры,—стоитъ только вспомнить о возстаніи шуановъ въ Вандеѣ.

Далѣе, противъ террора говорилось, что онъ, терроръ, направленъ противъ отдѣльныхъ личностей и потому не можетъ упразднить самой системы. Какъ будто-бы этотъ аргументъ не извѣстенъ русскимъ террористамъ! Но *агрессивный, наступательный* терроръ направленъ не противъ отдѣльныхъ лицъ, а противъ варварскаго политическаго строя, воплощаемаго въ группѣ лицъ и поддерживаемаго группою лицъ. Строй не есть нѣчто мистически-безтѣлесное, существующее внѣ людей и помимо людей. И когда сущность политическаго строя заключается въ порабощеніи цѣлой страны шайкой узурпаторовъ, опирающихся на насиліе и на традиціи насилія, то терроръ, оказывающій разрушительное дѣйствіе на эту шайку, разрушительно дѣйствуетъ также и на самую систему.

Далѣе, говорятъ, *увлеченіе* террористомъ въ революціонной средѣ способствуетъ забрасыванію работы въ массахъ. Въ видѣ примѣра, ссылаются на Народную Волю, которая, напротивъ того, никогда, до самаго паденія своего и даже послѣ паденія *организаціи*, не прекращала агитаціонно-пропагандистской дѣятельности среди рабочихъ и въ разныхъ слояхъ населенія. Въ худшемъ случаѣ изъ этого возраженія слѣдовало-бы только то, что *увлеченія* терроромъ до степени забвенія обще-соціалистической работы не слѣдуетъ допустить. Можно ли, напримѣръ, изъ того, что наши „экономисты“ *увлеклись* экономическою борьбою рабочихъ до степени полнаго забвенія политическихъ задачъ, сдѣлать тотъ выводъ, что экономическая борьба рабочихъ и руководительство ею должны быть отвергнуты?

Но, говорятъ, терроръ *отвлекаетъ* силы отъ обще-соціалистической работы, *губитъ* силы, весьма цѣнныя для благотворной дѣятельности въ массахъ. — Когда *идеологъ культурничества*, принципіальный противникъ революціонной дѣятельности, упрекаетъ революціонеровъ въ томъ, что они отвлекаютъ отъ культурной работы и губятъ безполезно силы, пропадающія даромъ для той же единоспасающей культурной работы, то онъ вполнѣ послѣдователенъ и остается вполнѣ вѣренъ своему культурническому темпераменту. Но когда *революціонеръ* обвиняетъ терроризмъ въ отвлеченіи революціонныхъ силъ отъ культурно-соціалистической работы или отъ другихъ формъ революціонной дѣятельности, то онъ обнаруживаетъ лишній разъ, какъ сильно революціонная мысль по-

давлена словами, и какъ наивно культурною работой ограничивается поле дѣятельности революціонера. Что непосредственная революціонная борьба, здѣсь въ конкретной формѣ террора, нисколько не исключаетъ культурно-соціалистической работы, агитаціонно-пропагандистской дѣятельности въ массахъ, а наоборотъ ее предполагаетъ и ею обусловливается, объ этомъ нами говорилось слишкомъ часто и подробно, чтобы надобно было останавливаться еще разъ на этомъ вопросѣ. Противопоставить вторую первой—значитъ стать откровенно на позицію культурника, а — въ примѣненіи къ пролетаріату—въ извѣстномъ смыслѣ—на „экономическую". Когда же рѣчь идетъ о разныхъ формахъ непосредственной *революціонной* и *полуреволюціонной* боьрбы, то разбираемый нами доводъ можетъ быть направленъ противъ каждой изъ нихъ, ибо не только всѣ онѣ вмѣстѣ отвлекаютъ отъ культурно-соціалистической работы въ массахъ, но каждая изъ нихъ отвлекаетъ силы отъ всѣхъ другихъ, и въ этомъ смыслѣ онѣ всѣ конкуррируютъ между собою. Въ самомъ дѣлѣ, какой родъ не только революціонной, но вообще оппозиціонной правительству дѣятельности не сопровождается жертвами въ Россіи? Развѣ, напримѣръ, демонстраціи, сопровождающіяся побоищами, арестами, процессами, не „отвлекаютъ" силъ отъ кружковой пропагандистской работы?

Быть можетъ, скажутъ, что террористическая дѣятельность, по своимъ послѣдствіямъ, опаснѣе другихъ формъ революціонной дѣятельности и потому отражается особенно разрушительнымъ образомъ на революціонерахъ и ихъ организаціяхъ. Но, при такой постановкѣ вопроса, не слѣдуетъ ограничиваться учетомъ потерь, неизбѣжныхъ при террористической дѣятельности; ихъ слѣдуетъ сопоставить съ тою общею экономіею революціонныхъ силъ, которая достигается результатами террористической дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, если только вѣрно то, что террористическая тактика значительно ускоритъ ликвидацію самодержавнаго строя въ Россіи, то какое огромное количество жертвъ будетъ избѣгнуто цѣною сравнительно немногихъ героическихъ существованій! Стоитъ только вспомнить о революціонныхъ гекатомбахъ, приносимыхъ нынѣ каждогодно въ тюрьмахъ и въ Сибири, о самоубійствахъ, о сумашествіяхъ, о разбитыхъ жизняхъ, о легіонѣ выбиваемыхъ ежедневно изъ революціоннаго строя! И всѣ эти жертвы, по мнѣ-

нію революціонныхъ постепеновцевъ, должны быть приносимы Молоху самодержавія, съ покорностью волѣ рока, вплоть до того безконечно далекаго дня, когда народъ вопрянетъ и въ морѣ народной же крови потопитъ ненавистнаго врага! Тутъ не принята во вниманіе и та экономія жертвъ, которая становится возможною, благодаря террористической тактикѣ, дѣлающею вполнѣ или отчасти излишними такіе, напримѣръ, опасные кровавые эксперименты, какъ несвоевременныя вооруженныя демонстраціи, которыя должны удовлетворять назрѣвшей, неудержимой потребности въ *отпорѣ*, вслѣдствіе того, что революціонная мысль мечется изъ стороны въ сторону, стараясь какъ-нибудь разрѣшить этотъ мучительный вопросъ.

Весьма любопытна та серія аргументовъ, которая отрицаетъ терроръ на основаніи того, что онъ противорѣчитъ принципу массоваго движенія. Тутъ въ полной силѣ сказывается скованность революціонной мысли догмой и фетишизмомъ. Погибай революція, лишь бы культъ абстрактныхъ и массовыхъ средствъ борьбы" остался неприкосновеннымъ! И болѣе всего любопытно, что этого рода возраженія исходятъ изъ того лагеря, гдѣ безпрестанно повторяется, что „къ принципѣ мы не противъ террора" („Искра" Плехановъ).

Террористическая тактика, говорятъ, пріучаетъ массы къ пассивности, внушая имъ представленіе о внѣшнихъ силахъ, о заступникахъ, дѣйствующихъ ради массъ и вмѣсто массъ, и парализуя такимъ образомъ самодѣятельность, иниціативу, борьбу самихъ массъ. Еслибы дѣйствительно терроръ обладалъ свойствомъ развивать подобныя представленія, то революціонной партіи оставалось-бы только бороться съ этою тенденціею, и бороться съ тѣмъ большею силою, что *терроръ можетъ производить всю полноту своего устрашающаго на правительство дѣйствія только подъ условіемъ проявленія его въ атмосферѣ общественнаго возбужденія, тѣмъ болѣе интенсивнаго, чѣмъ болѣе разряжается въ ней массовой энергіи, исходящей отъ всѣхъ слоевъ населенія.* Но отказаться отъ террора изъ-за указаннго практическаго результата было-бы такъ же безсмысленно, какъ отказываться, напримѣръ, отъ хорошей машины вслѣдствіе того, что движеніе ея развиваетъ треніе, которому, впрочемъ, легко противодѣйствовать смазкою. Но вся суть въ томъ, что приписываніе террору какой-то усыпляющей тенденціи

рѣшительно ни на чемъ не основано. Кому не извѣстно громадное агитаціонное значеніе террора въ массахъ?. Развѣ не выстрѣлъ Карповича вызвалъ ту волну возбужденія и энтузіазма, которая вылилась въ цѣлый рядъ демонстрацій, протестовъ и уличныхъ волненій всякаго рода по всей Россіи?

Террористическая дѣятельность, возражаютъ далѣе, не укладывается въ рамки массового движенія: одно изъ двухъ— или партія сильна участіемъ въ движеніи и поддержкою массъ, и тогда терроръ излишенъ; или партія слаба, и тогда терроръ вреденъ. Какъ сильно напоминаетъ этотъ аргументъ приказъ того правовѣрнаго халифа, который, согласно преданію, приказалъ сжечь знаменитую александрійскую библіотеку на томъ основаніи, что, если во всѣхъ этихъ книгахъ заключается то же самое, что въ коранѣ, то онѣ излишни и безполезны; если же что-нибудь въ нихъ противно корану, то онѣ вредны! Согласно духу приведенной аргументаціи, терроръ никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ цѣлесообразнымъ; но—кстати сказать—какъ тогда примирить съ этимъ утвержденіе, что „въ принципѣ мы не противъ террора“?

Остережемся отъ черезчуръ часто отуманивающаго дѣйствія *словъ*! Массовое движеніе, до тѣхъ поръ, покамѣстъ оно не вылилось въ *организованную народную революцію*, составляется изъ *массы* разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый—какъ напримѣръ, каждый отдѣльный протестъ, каждая отдѣльная демонстрація—могъ бы быть противопоставленъ придирчивыми критиками, какъ изолированный актъ, цѣлому массовому движенію, и съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ терроръ противополагается ими дѣйствію массъ. Въ дѣйствительности, терроръ есть форма концентрированнаго народнаго протеста противъ деспотовъ, нагло попирающихъ всѣ человѣческія права, и это въ особенности рельефно сказывается въ томъ сочувствіи и той поддержкѣ, которыя террористическій актъ встрѣчаетъ въ окружающей средѣ. Развѣ Гармодіи и Аристогитоны, Бруты и Кассіи не были окружены ореоломъ въ сознаніи окружающихъ, какъ исполнители воли и выразители протеста народныхъ массъ?

Невѣрно и то, что сильная поддержкою массъ партія должна въ борьбѣ съ абсолютизмомъ отвергнуть терроръ просто какъ средство излишнее и безполезное. Пусть у партіи достаточно силъ, чтобы и безъ террора въ концѣ концовъ побѣдить

врага; но если только террористическая тактика ускоряетъ побѣду, а, слѣдовательно, представляетъ экономію жертвъ до или во время массового кровопролитія, то нѣтъ и не можетъ быть такого предписанія революціонной морали и революціонной цѣлесообразности, въ силу котораго море народной крови должно быть пролито, безъ абсолютной практической необходимости для дѣла, просто ad maiorem gloriam фетиша „массового движенія".

Но главное, вы, сторонники организаціи единовременнаго массового, всенароднаго возстанія, какъ единственно вѣрнаго, надежнаго и всеисключающаго средства, — покажите, какими средствами вы располагаете, чтобы его осуществить; докажите, что это — не диверсія отъ единственно возможной революціонной работы, что это—не громкое и въ то же время пустое слово, служащее для прикрытія весьма скромной культурной дѣятельности, безконечной по трудностямъ, страданіямъ и сомнительной по возможнымъ результатамъ...

Съ другой стороны, когда рѣчь идетъ о силѣ или слабости революціонной партіи по отношенію къ правительству, никогда не слѣдуетъ пытаться мѣрять средства и силы обѣихъ воюющихъ сторонъ одною и тою же мѣркою, ибо эти средства и силы — разнородны. Революціонная партія никогда не будетъ обладать милліонною арміею, пушками и денежными средствами, которыми обладаетъ правительство. *Въ этомъ отношеніи* революціонныя силы будутъ всегда безконечно ниже силъ правительственныхъ, и если бы исходъ борьбы зависѣлъ только отъ взаимоотношенія *чиселъ*, то дѣло революціонеровъ было-бы безнадежно. *Въ этомъ отношеніи революціонная партія весьма слаба сравнительно съ громадными силами самодержавія, и она останется слаба, не смотря на ростъ организованности и значенія революціонной партіи въ массахъ.* Но кто же не знаетъ, что исходъ сраженія зависитъ не только отъ численности силъ, но еще въ болѣе значительной степени отъ тактическихъ пріемовъ и военной техники? И революціонеры, слабые по численности, должны избѣгать тѣхъ пріемовъ борьбы, гдѣ побѣда предрѣшается численностью; они должны предпочитать методы борьбы, при которыхъ численность непріятельскихъ силъ не играетъ рѣшающей роли, и гдѣ конечный результатъ зависитъ отъ энергіи, искусства и моральной силы революці-

онеровъ. Революціонерамъ приходится избѣгать открытаго возстанія, гдѣ вся выгодность позиціи и численнаго перевѣса на сторонѣ непріятеля. Напротивъ того, въ террористической тактикѣ, направленной непосредственно противъ главныхъ виновниковъ политическаго угнетенія и сильной поддержкою, сочувствіемъ и моральнымъ превосходствомъ всѣхъ борющихся за освобожденіе, всѣ выгоды и преимущества на сторонѣ революціонеровъ. Не удивительно поэтому, что наемные реакціонеры, въ родѣ гг. Ціоновъ и Щербаней, услужливо предлагали русскимъ революціонерамъ вступить на „болѣе честный“ путь открытаго, уличнаго возстанія *). Такимъ же образомъ и Бисмарку нѣкогда сильно хотѣлось нанести нѣмецкой соціалъ-демократіи смертельный ударъ вовлеченіемъ ея на путь открытаго возстанія.

Но, говорятъ, терроръ не можетъ оказать устрашающаго дѣйствія на правительство и ведетъ лишь къ истощенію силъ, гибели партіи и къ неизбѣжной реакціи. Въ видѣ доказательства ссылаются часто на примѣръ Народной Воли—той самой Народной Воли, исторія которой въ дѣйствительности доказываетъ нѣчто совершенно противоположное тому, что утверждаютъ противники террора. Въ самомъ дѣлѣ, не Народная-ли Воля, не смотря на ограниченность своихъ силъ, довела въ самое короткое время самодержавное правительство до безпримѣрнаго смятенія, шатанія и деморализаціи, не она-ли вызвала „диктатуру сердца“, заигрываніе съ либералами и съ обществомъ, политику призыва „свѣдующихъ людей“, конституціонныя потуги и даже стремленіе идти на переговоры съ революціонерами? **) Не начинаютъ ли уже повторяться подобные симптомы въ наши дни, въ эпоху соединенія террористическихъ актовъ съ усиливающимся возбужденіемъ въ населеніи?

Что Народная Воля сошла со сцены, не доведя дѣла до конца, это—безспорно; но заключать изъ этого о непригодности народовольческой тактики столь же логично, какъ доказывать неправильность лѣченія на основаніи того, что боль-

*) *Русскій Вѣстникъ*, 1886 и 1887 гг.

**) Интересныя свѣдѣнія о непосредственномъ вліяніи дѣятельность Исполнительнаго Комитета Народной Воли на направленіе личной политики имп. Александра II можно найти въ книгѣ *П. Кропоткина* Записки революціонера. стр.

ной умеръ отъ общей совокупности неблагопріятныхъ условій. Успѣхъ всякаго предпріятія зависитъ не только отъ правильнаго его веденія, но и отъ всей комбинаціи обстоятельствъ, предвидѣть которыя и направить въ одну сторону нѣтъ возможности. Въ общественной дѣятельности нѣтъ рецептовъ, позволяющихъ съ увѣренностью достигнуть требуемаго результата въ какой угодно моментъ и при какой угодно обстановкѣ. Исторія науки, технологіи и общественной культуры показываетъ, что прогрессъ въ мысли и въ жизни постоянно достигался путемъ многократнаго повторенія попытокъ, приводившихъ къ успѣху послѣ цѣлаго ряда неудачъ; и удивительно, что объ этой азбучной истинѣ приходится напоминать. Возстаніе Парижской Коммуны 1871 года потерпѣло неудачу; слѣдуетъ ли изъ этого, что всякое возстаніе нецѣлесообразно и несостоятельно? Первоначальное „хожденіе въ народъ“ въ 70-ыхъ годахъ повлекло за собою массу погромовъ и проваловъ; должна-ли была изъ-за этого быть отвергнута всякая работа въ пролетаріатѣ и крестьянствѣ? Центральный Комитетъ русской Соціалъ-демократической Партіи былъ разгромленъ немедленно послѣ своего образованія; слѣдуетъ-ли изъ этого, что русская соціалъ-демократія должна отказаться отъ стремленія къ объединенію? Точно также Народная Воля, послѣ ряда блестящихъ успѣховъ, была разгромлена, благодаря множеству неблагопріятно сложившихся для нея обстоятельствъ; развѣ отсюда вытекаетъ несостоятельность мысли, что тѣ же попытки должны повторяться, и что за *началомъ* должно слѣдовать *продолженіе*, которое приведетъ къ желанному *концу?*

Но, быть можетъ, терроръ оказывалъ свое устрашающее дѣйствіе на правительственныя сферы только потому, что онѣ въ народовольцахъ-террористахъ предполагали не кучку самоотверженныхъ личностей, а сильную партію, съ которою весьма трудно справиться? Но если это и вѣрно, то что же изъ этого слѣдуетъ? То, что революціонеры должны нынѣ доказать правительству, что они — не кучка людей, съ которою легко справиться, что общественная атмосфера слишкомъ накалена, что возбужденіе охватило слишкомъ широкіе и глубокіе слои населенія, что самоотверженные борцы будутъ выступать на смѣну другъ друга, что жизнь самодержавія въ подобной атмосферѣ стала невыносимою, словомъ, что самодержавію осталось только одно — *сдаться.*

Терроръ, говорятъ далѣе, ведетъ къ правительственной реакціи, препятствующей методической работѣ въ массахъ. Но въ этомъ отношеніи террористическая борьба и ея результаты не составляютъ исключенія въ сравненіи съ революціонной борьбѣ вообще: ростъ послѣдней, наканунѣ окончательной побѣды, приводитъ къ колебаніямъ въ непріятельскомъ лагерѣ, сказывающимся либо въ болѣе или менѣе серьезныхъ уступкахъ, либо въ усиленіи реакціонныхъ тенденцій, либо въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Такъ, огромный ростъ германской соціалъ-демократіи вызвалъ противъ нея реакціонные исключительные законы; слѣдуетъ-ли изъ этого, что соціалъ-демократія должна была отказаться хоть отъ одной пяди своей программы и своей дѣятельности? Что же касается Народной Воли, то систематическая реакція наступила лишь за разгромомъ этой партіи; и нѣтъ надобности вновь напоминать объ уступкахъ со стороны самодержавія, вызванныхъ аггрессивною тактикою Народной Воли. Въ особенности важно замѣтить, что дѣятельность соціалистовъ въ массахъ, вызывавшая столь жестокія репрессіи до Народной Воли, была именно облегчена на все будущее время тѣми рѣзкими формами политической борьбы, которыя приняла Народная Воля.

Завоеваніе политической свободы путемъ террора,—возражаютъ, наконецъ,—еслибы оно и было возможно, не можетъ считаться прочнымъ, ибо правительство всегда можетъ взять обратно то, что не было достигнуто побѣдоноснымъ массовымъ движеніемъ. — Въ дѣйствительности, прочность всякаго политическаго пріобрѣтенія зависитъ не отъ того, какимъ путемъ оно было достигнуто, а отъ существованія силъ, готовыхъ противостать всякому посягательству на него съ такою же ревностью, какою сопровождалось борьба ради его достиженія. Такъ, великая французская революція не помѣшала перевороту 18-го брюмера, массовая февральская революція 1848 года не помѣшала coup d'état 2-го декабря, массовая мартовская революція не помѣшала нарушенію конституціи прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV и его министромъ Мантейфелемъ. Съ другой стороны, осмѣлилось ли бы нынѣ самодержавное правительство возстановить крѣпостное право, отмѣненное положеніемъ 19-го февраля? Изъ этого слѣдуетъ только то, что революціонная партія должна и послѣ побѣды оставаться на сторожѣ противъ происковъ реакціи и

ея контр-революціонныхъ замысловъ. И русскіе революціонеры не забудутъ уроковъ, преподанныхъ исторіею, готовые съ оружіемъ въ рукахъ защищать плоды своей долгой и самоотверженной дѣятельности.

Терроръ, ставя себѣ главнымъ образомъ цѣлью дезорганизацію и устрашеніе самодержавнаго правительства, чтобы заставить его подчиниться требованіямъ революціонной партіи, являясь, слѣдовательно, *терроромъ наступательнымъ*, *агрессивнымъ*, важенъ также и по своему *агитаціонному* воздѣйствію на массы, и какъ средство *самообороны*, направленное къ защитѣ чести и достоинства революціонеровъ противъ гнусныхъ посягательствъ царскихъ опричниковъ или противъ лицъ, особенно вредныхъ для революціонной партіи. Но было-бы крайне нецѣлесообразно перевернуть указанное отношеніе и признать терроръ либо только какъ *агитаціонный* (или *эксцитативный*, по выраженію Л. Надеждина), либо только какъ *оборонительный* терроръ. Въ первомъ случаѣ терроръ свелся бы къ своего рода propagande par le fait и могъ-бы себѣ найти нѣкоторое оправданіе развѣ лишь въ революціи. Во второмъ случаѣ, не только всѣ затрудненія остались-бы неразрѣшенными, но оставалось-бы еще непонятнымъ, почему должны отвѣчать передъ судомъ партіи лишь второстепенные и третьестепенные исполнители „велѣній“ и „предначертаній“, идущихъ свыше, и почему самооборона не должна практиковаться противъ всей системы абсолютизма, которая, самимъ своимъ существованіемъ, составляетъ вопіющее отрицаніе элементарныхъ правъ и достоинства огромнаго населенія Россійской Имперіи.

Но и противъ оборонительнаго террора приводится „Искрою“ и примыкающими къ ней лицами и изданіями спеціальные аргументы, особенно въ примѣненіи къ тому мучительному положенію, которое было создано экзекуціями, совершенными правительствомъ надъ рабочими-манифестантами. Объ этихъ аргументахъ слѣдуетъ упомянуть скорѣе какъ о печальныхъ курьезахъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ у нѣкоторыхъ соціалъ-демократовъ своеобразная „діалектическая логика“ и своеобразное „діалектическое пониманіе своего достоинства“ могутъ отличаться отъ обще-человѣческой логики и отъ обще-человѣческаго пониманія своего достоинства.

„Революціонеры не могутъ взять на себя роли судей и палачей“.—Но почему же въ такомъ случаѣ вы, называющіе себя революціонерами, берете на себя роль судей, санкціонирующихъ необходимость революціоннаго переворота, который —если только онъ не мистификація — неизбѣжно повлечетъ пролитіе *народной* крови и жертвы, въ тысячи разъ значительнѣе потерь, испытываемыхъ деспотами отъ террористовъ, являющихся на вашемъ жаргонѣ „палачами“?

„Оборонительный терроръ, какъ средство возмездія царскимъ слугамъ, надругающимся надъ человѣческимъ достоинствомъ революціонера, безполезенъ, ибо обезчещенному не становится легче отъ того, что другіе за него притянули къ отвѣту виновника совершеннаго надругательства“. — Каждый „буржуа“ — и „мелкій“, „средній“, и „крупный“ — знаетъ и понимаетъ, что когда оскорбленъ человѣкъ слабый, или старикъ, или женщина, то обиженный находитъ удовлетвореніе въ томъ сознаніи, что за него заступились болѣе сильные. Почему же эта тривіальная истина становится неизвѣстною „революціонному соціалъ-демократу“, когда рѣчь заходитъ о о революціонерахъ? И если напримѣръ, правительство оскорбляетъ плѣнныхъ революціонеровъ, у которыхъ связаны руки, которые сами лишены возможности защищаться — почему заступничество тѣхъ товарищей, которые сейчасъ на волѣ, не принесетъ удовлетворенія оскорбленнымъ? Развѣ въ революціонныхъ рядахъ есть правило „всякъ самъ для себя“, а не прямо противоположное, „всѣ за каждаго и каждый за всѣхъ? —Ну, а партія, которой нанесено безчестіе въ лицѣ ея членовъ и приверженцевъ, не теряетъ ли въ общественномъ мнѣніи и въ своихъ собственныхъ глазахъ, когда она принимаетъ оскорбленіе съ тою же покорностью волѣ рока, какая отличаетъ „дураковъ“ извѣстной сказки Л. Н. Толстого?

Но вѣдь „сѣченіе, напримѣръ, позоритъ не жертву, а истязателя“. Съ точки зрѣнія заоблачныхъ высотъ олимпійской философіи это, можетъ быть, и вѣрно. Но вѣдь революціонеръ, обязанный развивать чувство человѣческаго достоинства въ массахъ, не вправѣ подавлять въ нихъ стремленіе къ облагороженію понятія о чести путемъ отождествленія рабскаго смиренія, внѣдреннаго вѣками гнета, съ елейнымъ пониманіемъ чести „не отъ міра сего“. Въ современной жизни соблюдаются иныя понятія о чести, и подобная казуистика, достой-

ная Іудушки Голевлева, когда она, примѣняется *лишь* къ случаю гнусныхъ издѣвательствъ агентовъ самодержавія надъ революціонерами, способна растворить незаслуженный трагизмъ положенія уже въ заслуженной атмосферѣ общественнаго презрѣнія.

И большинство этихъ поразительныхъ аргументовъ противъ террора, либо напоминающихъ знаменитыя сентенціи Козьмы Пруткова, либо совпадающихъ съ доводами противъ террора гг. Щербаней и Л. Тихомировыхъ, исходитъ отъ революціонныхъ органовъ, проповѣдующихъ „развитіе классоваго самосознанія въ пролетаріатѣ“; сыплющихъ направо и налѣво стереотипныя обвиненія въ „экономизмѣ“ и „бернштейніанствѣ“, но прикрывающихъ подъ бутафорскимъ нарядомъ великихъ инквизиторовъ марксизма винегретъ культурничества, умѣренности и аккуратности; кричащихъ о подготовленіи всенароднаго возстанія и не могущихъ указать другихъ средствъ борьбы, кромѣ издаванія „общерусской газеты“, тушенія иллюминаціонныхъ плошекъ и физическаго сопротивленія жертвъ во время сѣченія; сулящихъ самодержцу гильотину, и Зубатову висѣлицу послѣ побѣдоносной народной революціи, т. е. выдающихъ политическій вексель, который они предлагаютъ учесть чуть ли не на томъ свѣтѣ; снисходительно заявляющихъ о польскихъ соціалистахъ, расправляющихся съ шпіонами, что „мы ихъ преступниками не считаемъ“, и требующихъ, чтобы интересы виновниковъ подобныхъ покушеній, были ограждены „обыкновенными судами“; изливающихъ свой революціонный пылъ въ классической фразѣ: „время терпитъ“, составляющей въ сущности повтореніе знаменитаго восклицанія Алексѣя Степановича Молчалина, героя Салтыковской Современной Идилліи: „нѣтъ, братецъ, надо погодить!“...

О нѣтъ, изъ *такой* „Искры“ не разгорится пламя!.. Хотя въ чади и копоти недостатка нѣтъ и не будетъ...

И если вспомнить, что эти люди открыли кампанію не только противъ террора, но и противъ террористовъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ для дискредитированія революціонной партіи, которой можетъ принадлежать будущее, и что эти люди ведутъ свое идейное происхожденіе отъ Маркса, того самаго Маркса, который, не смотря на недостатки своей теоріи, все же, благодаря своему геніальному уму, революціонному темпераменту и такту, всегда находилъ позицію, со-

отвѣтствующую правильному пониманію вопросовъ многосложной дѣйствительности, то мы не можемъ отдѣлаться отъ мысли, что *русскій марксизмъ не заслужилъ такого паденія...*

* * *

Но если терроръ является крайне важнымъ элементомъ боевой дѣятельности революціонеровъ, то другія, менѣе рѣзкія формы борьбы и общественнаго протеста никоимъ образомъ не должны быть пренебрегаемы партіею. Какъ уже нами повторялось неоднократно, манифестаціи всякаго рода, демонстраціи, политическія стачки, протесты, петиціи, политическія волненія всякаго рода въ городѣ и деревнѣ, попытки освобожденія арестованныхъ и заключенныхъ и всевозможныя другія проявленія революціонной и оппозиціонной энергіи имѣютъ важное самостоятельное значеніе и въ то же время способствуютъ усиленію моральнаго смысла террора, какъ средства, санкціонируемаго народнымъ сознаніемъ. Съ другой стороны, всѣ сейчасъ указанныя средства, сами по себѣ недостаточно сильныя и недостаточно „убѣдительныя“ для абсолютизма, въ смыслѣ принужденія его къ серьезнымъ уступкамъ, получаютъ характеръ особено внушительный, когда они сопровождаются террористическими дѣйствіями, и когда они подчеркиваютъ общественно-революціонное значеніе террора.

Расширенію міросозерцанія и расширенію цѣлей соотвѣтствуетъ расширеніе средствъ и формъ борьбы. Разнообразные виды революціонной и соціалистической работы будутъ распредѣляться по силамъ, способностямъ и стремленіямъ каждаго. Подобное распредѣленіе труда облегчитъ возможность привлеченія къ дѣлу и использованія силъ, соотвѣтственно призванію дѣятелей, обстановкѣ и важности тѣхъ или другихъ задачъ въ данный моментъ. Ни одинъ атомъ революціонной и оппозиціонной энергіи не пропадетъ даромъ. И всѣ формы работы — отъ мирной культурной дѣятельности до самыхъ рѣзкихъ формъ революціонной борьбы — будутъ доступны соціалисту, смотря по его наклонностямъ и темпераменту.

Когда правительство, терроризованное нападеніями революціонеровъ, вынуждено будетъ сосредоточить свои помыслы на личной безопасности; когда нормальный ходъ государствен-

наго механизма будетъ нарушенъ постоянными взрывами общественнаго возбужденія; когда, одновременно съ сыплющимися со всѣхъ сторонъ ударами, будутъ отовсюду раздаваться протесты противъ варварства абсолютизма; когда бойцы безостановочно будутъ слѣдовать одни за другими, и армія недовольныхъ не перестанетъ расти, восполняя и умножая ряды революціонеровъ; когда самодержавіе тщетно станетъ искать кругомъ себя моральной поддержки, а проявленія вражды и ненависти къ существующему политическому строю будутъ прогрессивно усиливаться,—тогда, насколько только возможно предвидѣніе въ человѣческихъ дѣлахъ, можно съ увѣреностью предсказать, что абсолютизмъ, расшатанный, деморализованный и приведенный въ отчаяніе, вынужденъ будетъ капитулировать.

VII.

Прорезюмируемъ теперь въ нѣсколькихъ словахъ развитые нами положенія и выводы.

Русское революціонное міросозерцаніе, въ разные періоды своего развитія, сильно страдало догматизмомъ, вѣрою въ соціологическія формулы, расходящіяся съ дѣйствительною жизнью, культомъ стихійности, культомъ массоваго движенія, идеализаціею историческаго хода вещей, стихійно будто-бы ведущаго къ соціализму или революціи, идеализаціей революціонноспособности крестьянства и пролетаріата, признаніемъ особыхъ историческихъ миссій за отдѣльными классами населенія, какъ крестьянство, пролетаріатъ, буржуазія, смѣшеніемъ культурной и революціонной формъ дѣятельности.

Догматизмъ и идеализація вели къ съуженію міросозерцанія. Съуженіе міросозерцанія вело къ съуженію цѣлей, съуженію средствъ и съуженію области революціоннаго воздѣйствія.

Задача прогрессивнаго развитія революціонной теоріи и практики сводится къ очисткѣ міросозерцанія отъ догматическихъ пережитковъ, отъ идеализаціи, отъ односторонихъ историческихъ концепцій и къ расширенію сферы дѣятельности въ смыслѣ цѣлей, средствъ и общественныхъ группъ, подлежащихъ революціонному воздѣйствію.

Культурно-соціалистическая дѣятельность не должна быть смѣшиваема съ революціонною задачею низверженія самодержавія, требующей переворота насильственнаго и возможно болѣе быстраго.

Въ качествѣ соціалистовъ, революціонеры развиваютъ агитаціонно-пропагандистскую дѣятельность во всѣхъ слояхъ эксплуатируемаго рабочаго народа, особо воспріимчивыхъ къ соціалистической программѣ — не обращая однако соціализма въ монопольную доктрину одного какого-либо класса—и среди вообще всѣхъ общественныхъ слоевъ и лицъ, способныхъ стать на точку зрѣнія эмансипаціоннаго идеала соціализма. Соціалистическая въ тѣсномъ смыслѣ слова дѣятельность, никогда не прерываемая и не прекращаемая, служитъ для постояннаго умноженія соціалистической арміи, для вовлеченія возможно большаго количества силъ въ революціонную борьбу съ самодержавіемъ.

Какъ бойцы за политическую свободу, разсматриваемую въ качествѣ одной изъ самостоятельныхъ задачъ соціализма въ болѣе широкомъ смыслѣ, революціонеры, опираясь въ своей дѣятельности на соціалистическіе кадры, объединяютъ сверхъ того подъ знаменемъ политической борьбы всѣ элементы населенія, страдающіе подъ игомъ самодержавія и готовые откликнуться на призывъ къ борьбѣ съ абсолютизмомъ.

Революціонеры отказываются отъ признанія специфическихъ миссій за тѣми или другими классами—крестьянствомъ, пролетаріатомъ, буржуазіею—въ дѣлѣ политическаго освобожденія Россіи. Они отказываются отъ вѣры въ неизбѣжность чисто стихійной революціи въ Россіи. Не преувеличивая своихъ силъ и не преуменьшая силъ самодержавія, революціонеры приходятъ къ сознанію огромныхъ затрудненій въ выполненіи политическаго переворота путемъ организованнаго массоваго возстанія. Признавая возможность и необходимость завоеванія политической свободы въ сравнительно близкомъ будущемъ, революціонеры ставятъ себѣ цѣлью вести непосредственную борьбу, не дожидаясь организованія огромныхъ народныхъ массъ въ войско, способное вступить съ самодержавіемъ въ открытое сраженіе. Такая задача, скрывающая въ себѣ необъятныя трудности и неразрѣшимыя противорѣчія, отбросила бы совершеніе политическаго переворота въ неопредѣленно далекое будущее и фактически свелась-бы къ ог-

раниченію дѣятельности революціонной партіи культурною работою, сопровождаемою безконечными жертвами и страданіями.

Революціонная партія выбираетъ другой путь для завоеванія политической свободы. Она ставитъ себѣ цѣлью непосредственно расшатать правительственную организацію систематическими нападеніями, соединяющими какъ самыя острыя, такъ даже и самыя умѣренныя формы борьбы. Террористическими актами съ одной стороны, всевозможными формами протеста и выраженія общественнаго возбужденія съ другой она доводитъ самодержавіе до такого состоянія разстройства и безнадежнаго отчаянія, что ему остается только уступить и принять условія революціонеровъ.

Такимъ образомъ революціонная партія по существу является *продолженіемъ* Народной Воли, съ видоизмѣненіями программы, соотвѣтствующими указаніямъ жизни и измѣнившимся обстоятельствамъ.

Революціонная партія утилизируетъ всѣ силы и энергіи, которыя могутъ быть обращены противъ абсолютизма. Она распространяетъ свою дѣятельность и на рабочихъ, и на крестьянство, и на интеллигенцію, и на войско. Она зоветъ къ противо-правительственной борьбѣ всѣ оппозиціонные элементы населенія. Она призываетъ къ соединенію усилій всѣхъ страдающихъ отъ произвола и преслѣдованій абсолютизма — и поляковъ, и финляндцевъ, и евреевъ, и кавказцевъ, и сектантовъ, — словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто, на протяженіи громадной имперіи, способенъ проникнуться ненавистью къ язвѣ самодержавія и распространяемой ею заразѣ.

Революціонная партія должна въ особенности позаботиться о томъ, чтобы выступать съ физіономіею ясною и опредѣленною. Она рѣшительно и энергично должна защищать свои принципы, свою тактику, свою программу. Она должна безпощадно порвать съ предразсудками и ошибками, искажающими соціально-революціонное міросозерцаніе и мѣшающими движенію. Она должна подвергнуть самой тщательной критикѣ все то, что есть невѣрнаго и утопичнаго въ программахъ другихъ соціально-революціонныхъ фракцій. Проявляя товарищеское отношеніе ко всѣмъ соціально-революціоннымъ фракціямъ, борющимся во имя свободы и соціалистическаго идеала, она въ то же время должна вступить въ рѣшительную борьбу со всѣми стремленіями вносить, подъ предлогомъ полемики,

деморализацію и разложеніе въ революціонный легерь. Она должна безпощадно срывать реоволюціонную маску съ безсовѣстныхъ противниковъ, ставящихъ себѣ цѣлью насадить культурничество путемъ фальсифицированія движенія и дискредитированія истинныхъ революціонеровъ.

Революціонная партія должна знакомить съ истиннымъ характеромъ русскаго движенія европейскія соціалистическія партіи. Въ литературѣ, на собраніяхъ, на международныхъ конгрессахъ она должна выяснять свою программу, защищать свою тактику и свои взгляды. Она должна возбудить сочувствіе къ своей освободительной миссіи во всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ элементахъ цивилизованнаго міра.

Въ самой Россіи революціонная партія должна возбудить энтузіазмъ и своими идеями, и своими дѣлами. Надо, чтобы она заговорила языкомъ, понятнымъ для всѣхъ и для каждаго. Надо, чтобы революціонное слово обладало такою силою, чтобы отъ него заговорило сердце и дрогнула душа. Надо, чтобы каждый пытался быть хоть чѣмъ-нибудь полезенъ для партіи, и чтобы силы партіи удесятерились безпрестаннымъ притокомъ содѣйствія и сочувствія.

И когда, послѣ паденія безобразной твердыни самодержавія, партія, окруженная ореоломъ совершеннаго ею великаго дѣла, станетъ бороться за осуществленіе началъ соціалистической программы всѣми средствами, ставшими доступными въ свободномъ политическомъ режимѣ, то энтузіазмъ, которымъ ознаменуется политическое перерожденіе Россіи, и преклоненіе предъ заслугою революціонной партіи осуществятъ, быть можетъ, такія крупныя общественныя перемѣны, о которыхъ мы теперь не рѣшаемся и мечтать.